

Пролетарии, всех стран, соединяйтесь!

И. Т О К И Н

Л Е Н И Н

О ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

М.: партийное издательство. 1932

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

I. Некоторые из общих вопросов истории

буржуазно-демократических революций

II Вопрос об историческом значении

Великой французской революции

III. О якобинской диктатуре

Заключение

Веб-публикация: библиотека Vive Liberta, 2009

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современное положение на историческом фронте характеризуется прежде всего глубоким проникновением большевистской партийности в изучение истории вообще, в изучение новейшей эпохи—эпохи империализма и пролетарской революции в особенности. Проникновение исторической науки большевистской партийностью означает разработку ленинского наследства. Совершенно ясно, что изучать историю л ю б о й эпохи без того, чтобы основываться на взглядах Ленина и Сталина, абсолютно невозможно. Письмо т. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» со всей глубиной подчеркивает значение большевистской партийности как центрального политического момента во всей методологии исторической науки, в методологии всякого исторического исследования. Борьба за освещение взглядов Ленина на историю, за разработку ленинского наследства и есть выполнение указаний т. Сталина.

Все многочисленные высказывания Ленина о Великой французской революции целиком основаны и опираются на работы Маркса и Энгельса. Следует подчеркнуть, что задача изучения ленинизма заключается в том, чтобы уяснить то особенное и новое, что внес Ленин в общую сокровищницу марксизма (С т а л и н). Ленин обогатил теорию марксизма, двинул ее развитие дальше; он обогатил и историческую науку, подняв ее развитие на новую, более высокую ступень.

Мы в нашей брошюре старались собрать и изложить то, что сказано Лениным по вопросам истории Великой французской революции. Привлекать сюда все соответствующие работы Маркса и Энгельса нам не казалось необходимым. Всякий товарищ, внимательно изучающий Ленина, поймет, что Ленин в своих высказываниях о Великой французской революции целиком исходит из работ Маркса и Энгельса,

Редактор Ю. Бочаров. Техредактор Г. Писманник. Сложка работы Д. Бажанова
Сдано в производство 9/V 1932 г. Подписано к печати 28/VII 1932 г.

Уполн. Главлита № В 30603

Партиздат № 394

Тираж 25000 экз

Формат 82 x 110^{1/2} 5 п. л. 40300 зн. в п. л.

Тип. изд-га „Дер Эмес“, Москва, Покровка, 9 Зак 4 б

углубляя анализ и освещение этой эпохи (как и истории вообще) светом того нового, что он внес в сокровищницу марксизма.

Разработка ленинского наследия должна касаться конечно не только истории новейшей эпохи (ее—в первую очередь), но и истории вообще, истории революций в особенности. В области изучения Великой французской революции имеются прямые фальсификации и влияния (в нашей среде) теорий и схем буржуазных и мелкобуржуазных историков—типа Маттеза например; имеется и проникновение правооппортунистических схем. С ними надо вести усиленную борьбу. Чтобы победить в борьбе за большевизм в исторической науке, в борьбе против правооппортунистических теорий и схем, представляющих среди историков-марксистов главную опасность, и «лево»-оппортунистических схем и концепций, надо противопоставить им взгляды марксизма-ленинизма, надо противопоставить им взгляды Ленина и Сталина.

У Ленина очень много высказываний и замечаний о Великой французской революции. Эти замечания представляли собой внутреннее единство, а не что-либо случайное, изолированное, не связанное между собой. Ленин изучал Великую французскую революцию долго и тщательно, критически переработав те исторические труды, которые по тем или иным причинам привлекали его внимание. Обобщая весь мировой опыт рабочего движения, Ленин изучал историю, историю революций, в том числе и Великую французскую революцию. Борьба с буржуазной историографией по всякому историческому вопросу неизбежно была борьбой марксистской методологии с буржуазной «наукой». Этим объясняется между прочим то обстоятельство, что почти все замечания Владимира Ильича, все его высказывания о Великой французской революции, даже самые казалось бы специальные, конкретно-исторические, имеют величайшее методологическое значение; Ленин и в своих философских работах и в своих политических и исторических трудах разрабатывал, двигал дальше марксистскую методологию, поднимая ее на более высокую ступень развития. Эта разработка, это обогащение марксистской методологии происходили в непрерывной борьбе с попытками искажения марксизма со стороны меньшевиков и всякого рода оппортунистов. Было бы очень важно проследить, изучить все высказывания Ленина о Великой французской революции в связи с борьбой против меньшевизма, против оппортунизма, в

свете спора с меньшевиками по вопросам о «самоуправлении», о «муниципальной революции», в связи с вопросом о «гарантиях от реставрации», проследить оценку Лениным меньшевиков как жирондистов и т. д. Также важно специально изучить высказывания Ленина после Октября о Великой французской революции в связи с вопросами: развития нашей социалистической революции; здесь в этой связи одна проблема представляет специальный интерес—это проблема революционных войн. В 1917 и 1918 гг. мы находим у Ленина и Сталина специальные высказывания, заключающие в себе оценку революционных войн Великой французской революции. Вопрос о революционных войнах ставился и в период керенщины, когда меньшевики и эсеры продолжали политику воинствующей империалистической буржуазии и пытались подкрепить свои призывы к наступлению «священными лозунгами», вызывая тени буржуазных революционеров 1793—1794 гг. Ленин и Сталин противопоставляли этим ссылкам марксистскую большевистскую позицию. Данный ими классовый анализ войн, возникавших и происходивших в различные эпохи, представлявших политику различных классов, является тем мастерским анализом, на который способны только Ленин и Сталин и который представляет собою вклад в историческую науку, имеющий огромное методологическое значение. Примеры—статья т. Сталина «О войне» (написанная 16 марта 1917 г.)¹, высказывания Ленина о революционных войнах и о Великой французской революции в связи с борьбой против «левых» коммунистов уже после Октября, в новых условиях. Можно указать, далее, на огромное количество высказываний Ленина о революционных войнах в связи с другими вопросами, например на его замечания «О тезисах по аграрному вопросу французской коммунистической партии»² и т. д.

Эти вопросы настоящая брошюра не освещает. Мы ставим их в той книге о Ленине, часть которой представляет эта брошюра и которая сейчас готовится к печати.

¹ Сборник. «На путях к Октябрю».

² Ленин. Соч., изд. 3-е, т. XXVII, стр. 103 слд.

Об авторе:

Иван Петрович Токин –

советский историк школы М.Покровского.

Обязательная памятка для чтения этой брошюры

1. Помнить: брошюра написана в годы борьбы с «троцкизмом», в том числе в крупной дискуссии в историографии. Поэтому она не столько об истории Французской революции, сколько о Советском Союзе начала 1930-х годов.

2. Необходимо знать работы В.И.Ленина, на которые ссылается автор. Или быть готовым эти работы прочитать или перечитать.

3. Необходимо основательно знать историю Великой французской революции.

4. Необходимо знать работы Г.С.Фридлянда о истории Французской революции.

В нашей библиотеке можно прочитать некоторые из них:

Девятое термидора

http://vive-liberta.narod.ru/journal/fridl_therm.pdf

Ж.-П.Марат до Великой французской революции

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/marat4.pdf>

Классовая борьба в июне-июле 1793 г.

<http://vive-liberta.narod.ru/journal/fridl93.pdf>

Дополнительно по теме:

Т.Кондратьева. Большевики-якобинцы и призрак Термидора

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/therm_condr.htm

В.Колоколкин, С.Моносов. Что такое термидор

http://narod.ru/disk/8364910000/thermidor_monosov.pdf.html

I. НЕКОТОРЫЕ ИЗ ОБЩИХ ВОПРОСОВ ИСТОРИИ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

Вопрос о роли пролетариата в буржуазно-демократических революциях имеет огромное теоретическое и политическое значение. Тов. Сталин писал, что троцкистские «историки» «стараясь проводить свою контрабандную работу», во-первых, пытаются доказать, что «Ленин в период перед войной недооценивал опасности центризма», и, во-вторых, «они стараются доказать, что Ленин не понимал необходимости перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую». Стремление изобразить дело так, что Ленин до войны не был настоящим большевиком, а стал таковым лишь после войны, лишь после того, как он «перевооружился», стремление изобразить дело так, что ленинизм стал ленинизмом собственно лишь к революции 1917 г.,—это стремление троцкисты пытаются также протащить и в своем «освещении» вопросов революции 1905 г. и в своей трактовке вопросов истории буржуазно-демократических революций на Западе. Задачей большевистских историков является показать, что с первых же дней своей борьбы за революционный марксизм Ленин и большевики, опираясь на учение Маркса—Энгельса, последовательно развивали учение о пролетарской революции, обобщая весь исторический опыт всемирной борьбы рабочего класса. Ленинизм является марксизмом эпохи империализма и пролетарской революции, целостным, монолитным учением, освещающим новую эпоху мировой истории, между прочим и потому, что он, ленинизм, обобщил весь мировой опыт борьбы рабочего класса. «Теория,—говорит Сталин,—есть опыт рабочего движения всех стран, взятый в его общем виде»¹. И в другом месте: «Ле-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 16.

низм есть явление интернациональное, имеющее корни во всем международном развитии, а не только русское»¹.

Попытки представить ленинизм «самобытным», «русским» явлением всегда сопровождались отрицанием того, что узловые вопросы русской революции являлись и являются узловыми вопросами всей международной борьбы рабочего класса, что Ленин, опираясь на Маркса—Энгельса и развивая дальше их учение, обобщил и осветил с точки зрения новой эпохи, новых задач пролетариата всю мировую историю его освободительной борьбы. Ленин с первых же шагов своей борьбы тщательно изучал эту историю, тщательно анализировал этот опыт и, создавая свое учение о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, учение о перерастании ее в социалистическую, обобщал как российский опыт (его в первую очередь), так и опыт освободительной борьбы западноевропейского и мирового пролетариата. Перед большевистской исторической наукой стоит задача: изучать все специальные высказывания Ленина и Сталина по вопросам западноевропейского рабочего движения, вскрывать и разоблачать контрреволюционные, фальсификаторские, троцкистские измышления по адресу Ленина и большевиков, всякие правооппортунистические и «левые» теории исторического процесса.

Разработка вопросов о роли пролетариата в революционном движении Запада и Востока, имея непосредственное значение для всей борьбы нашей партии и мирового рабочего класса против буржуазии и ее авангарда—троцизма, против социал-фашизма, важна и потому, что пролетариату ряда стран приходится еще и ныне иметь дело у себя с задачами буржуазно-демократической революции, с задачами обеспечения ее перерастания в революцию социалистическую. Троцкистские группы в этих странах всячески клеветают на Ленина и ленинизм, извращая ленинские высказывания и пытаясь своей работой обезоружить пролетариат в его борьбе против буржуазии и помещиков. Противопоставить «теориям» троцкистов, а также всем оппортунистическим взглядам подлинно-марксистское учение Ленина и Сталина, изучить и показать, как Ленин смотрел на задачи пролетариата в буржуазно-демократической революции, на задачи пролетарской борьбы за ее перерастание в революцию социалистическую, — это значит выполнить одну из

политических задач первоочередной важности. Политическое и теоретическое значение разработки этих вопросов определяется далее тем обстоятельством, что изучение проблем империализма и рабочего движения этой эпохи, освещение всемирно-исторической роли пролетариата, международной роли и значения большевизма, стоящее сейчас в центре внимания всей исторической науки в целом, может быть успешным лишь при условии, если это изучение будет опираться на изучение всей истории капитализма, всей истории классовой борьбы пролетариата, начиная с первых этапов развития капитализма.

Центральным научно-политическим вопросом в изучении проблемы буржуазно-демократических революций на Западе является вопрос о движущих силах этих революций и вопрос о том, кому принадлежала гегемония в классовой революционной борьбе. Историкам для этого необходимо внимательно изучить все исторические, национальные условия каждой революции, все ее конкретные особенности, обуславливающие особое соотношение классовых сил, определяющие то, какой вопрос является главным в данной революции, какой класс является гегемоном в революционной борьбе. Кроме общих методологических проблем, относящихся ко всякой буржуазно-демократической революции и вытекающих из того, что буржуазно-демократическая революция вообще есть важнейший момент в процессе перехода от одной формации (феодальной, крепостнической) к другой (капиталистической), в центре внимания конкретного изучения должен стать вопрос о том, как совершается этот переход в данной стране, какие национальные особенности определяют ее отличие от других стран в этот период. «Буржуазные революции», — писал Ленин, — показывают нам громадное разнообразие комбинаций различных групп, слоев, элементов и самой буржуазии и рабочего класса»¹. С этой точки зрения буржуазно-демократические революции могут иметь такие особенности, которые будут радикально отличать данную революцию от революций в других странах. То например обстоятельство, что российская буржуазно-демократическая революция 1905 г. совершалась в эпоху империализма, в эпоху, являющуюся «кануном социалистической революции» (Ленин), а также то,

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 5.

¹ Ленин, Принципиальные вопросы избирательной кампании, Соч., изд. 3-е, т. XV, стр. 343.

что пролетариат в это время уже имел большевистскую партию, родившуюся в России еще до буржуазно-демократической революции,—эти обстоятельства резко и радикально, принципиальным образом отличают ее от буржуазно-демократических революций на Западе, например от революции 1789 г. во Франции и даже 1848 г. в Германии (где в это время Маркс только начинал создавать партию пролетариата). Эти западноевропейские революции совершались в иную эпоху, именно в начале развития промышленного капитализма, в эпоху подъема буржуазии. Тогда пролетариат, если говорить например о 1789 г., не был еще собственно пролетариатом в современном смысле и значении этого слова; недаром и Маркс и Ленин так часто употребляют по отношению к тому времени выражения «плебс» и «предпролетариат». Ясно само собою, что пролетариат тогда не мог иметь и не имел еще своей партии (1789 г. во Франции) или, если говорить о революции 1848 г., она тогда только еще начинала складываться. Все это имеет конечно решающее, принципиальное значение.

Для того чтобы понять историческое значение западноевропейских буржуазных революций, необходимо прежде всего отметить особенности, своеобразие буржуазно-демократической революции в России. Чем отличалась буржуазно-демократическая революция в России от буржуазных революций на Западе? «Буржуазная революция в России,—писал т. Сталин,—переросла в пролетарскую революцию в сравнительно короткий срок. Гегемония пролетариата была зародышем и переходной ступенью к диктатуре пролетариата». Далее т. Сталин говорит, что в этом заключается «своеобразное явление в русской революции, не имеющее прецедентов в истории буржуазных революций, на Западе»¹. Откуда взялось это своеобразие? — спрашивает т. Сталин и отвечает, что причины его в том, что «буржуазная революция развернулась в России при более развитых условиях классовой борьбы, чем на Западе», что «русский пролетариат уже превратился к этому времени в самостоятельную политическую силу, между тем как либеральная буржуазия, напуганная революционностью пролетариата, растеряла подобие всякой революционности (особенно после уроков 1905 г.) и вступила в союз с царем и помещиками против революции, против рабочих и крестьян». Тов. Сталин отме-

чает целый ряд обстоятельств, определивших этот более высокий уровень классовой борьбы, иное значение пролетариата в исходе революции, определивших своеобразие буржуазно-демократической революции в России: «Небывалая концентрация русской промышленности накануне революции... Безобразные формы эксплуатации на предприятиях плюс нестерпимый полицейский режим царских опричников... Политическая дряблость русской буржуазии, превратившаяся после революции 1905 г. в прислужничество к царизму и прямую контрреволюционность... Наличие самых безобразных и самых нестерпимых пережитков крепостнических порядков в деревне, дополняемых всевластием помещика»; царизм и наконец «империалистическая война, слившая все эти противоречия политической жизни России в глубокий революционный кризис и придавшая революции невероятную силу натиска»¹. Совершенно очевидно, что во Франции накануне 1789 г. не было и не могло быть таких условий. Промышленный пролетариат тогда еще формировался, машинной индустрии тогда не было. Тов. Сталин всегда подчеркивает, что революция 1789 г. совершалась в мануфактурный период развития капитализма. Ясно, что пролетариат, будучи еще не отделенным от мелкобуржуазной демократии, не мог представлять собой самостоятельной классовой силы. Либеральная буржуазия, в отличие от России, была тогда прогрессивной силой, поднимавшейся на борьбу с абсолютизмом, претендовавшей на гегемонию во всем ходе революционного движения, создавшей уже задолго до революции свою идеологию и, в период революции, свои политические партии. Наличие либеральной буржуазии как гегемона революционной борьбы в ту эпоху, отсутствие материальных условий для социализма, малочисленность и незрелость рабочего класса определили тот тип буржуазно-демократической революции, в которой пролетариат не мог в короткий срок сформироваться, выковать свою партию и поставить задачу перерастания этой революции в революцию социалистическую. Иная обстановка была в России. Здесь пролетариат в сравнительно короткий исторический срок победоносно осуществил задачу этого перерастания, будучи гегемоном революционной борьбы на всем протяжении революции, определив этим самым иной тип революции.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, 1928 г., стр. 118 и следующие.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 117, 118, 119.

Вот как был сформулирован этот вопрос т. Сталиным:

«Русская буржуазно-демократическая революция (1905 г.) протекала при условиях, отличных от условий на Западе во время революционных переворотов, например во Франции и в Германии. В то время как революция на Западе разыгралась в условиях мануфактурного периода и неразвитой классовой борьбы, когда пролетариат был слаб и малочислен, не имея своей собственной партии, могущей формулировать его требования, а буржуазия была достаточно революционна для того, чтобы внушить рабочим и крестьянам доверие к себе и вывести их на борьбу с аристократией, в России, наоборот, революция началась (1905 г.) в условиях машинного периода и развитой классовой борьбы, когда сравнительно многочисленный и сплоченный капитализмом русский пролетариат имел уже ряд боев с буржуазией, имел свою партию, более сплоченную, чем буржуазная, имел свои классовые требования, а русская буржуазия, жившая к тому же заказами от правительства, была достаточно напугана революционностью пролетариата для того, чтобы искать союза с правительством и помещиками против рабочих и крестьян.

Тот факт, что русская революция вспыхнула в результате военных неудач на полях Манчжурии, — этот факт лишь форсировал события, ничего однако не меняя в существе дела.

Обстановка требовала, чтобы пролетариат стал во главе революции, сплотил вокруг себя революционное крестьянство и повел решительную борьбу против царизма и против буржуазии одновременно, во имя полной демократизации страны и обеспечения своих классовых интересов».

План Ленина в этот период, — пишет дальше т. Сталин, — «прямо и решительно формулируя классовые требования пролетариата в эпоху буржуазно-демократической революции в России, облегчал переход к революции социалистической, носил в себе в зародыше идею диктатуры пролетариата»¹.

Конечно всего этого не было во Франции в эпоху буржуазно-демократической революции.

Хотя рабочие и крестьяне того времени составили (уже в процессе развертывания революции) большую политическую силу, однако там эта сила получила непосредственно

определяющее значение только на отдельный короткий период. Материальных условий для социализма тогда не было; не было поэтому также и пролетариата как политически организованной, классово сознательной силы, т. е. класса, противопоставляющего себя буржуазии и ставящего своей задачей борьбу за пролетарскую революцию, за социализм; ясно поэтому, что его борьба не могла обеспечить создания необходимых условий для перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую. И во Франции рабочие в ту эпоху поднимались на борьбу; будучи однако слабыми и неорганизованными, будучи в плену различных буржуазных и мелкобуржуазных идей, они не могли противопоставить себя всему буржуазному и помещицкому фронту, рабочий класс не мог обеспечить прочный союз с трудящимся крестьянством под своей гегемонией. Это приходится подчеркнуть тем более, что в общем смысле, если говорить о ходе революционной борьбы в целом, крестьянство как революционная сила стояло тогда на первом плане. Ленин говорил, что «для Германии XVI в., Англии XVII и Франции XVIII в. крестьянство можно поставить на первый план», а «в России XX в. безусловно необходимо перевернуть отношение, ибо без инициативы и руководства пролетариата крестьянство — ничто».

Это конечно не значит, что выступления рабочих в Великой французской революции не сыграли большой исторической роли. Без их выступлений в период 1789—1794 гг., а также без выступлений пролетариата в последующий период не было бы июня 1848 г.

Оценивая роль городских «низов» в Великой французской революции, Ленин, полемизируя с меньшевиком Левицким, писал, что во Франции «центром притяжения для демократического крестьянства» было «демократическое, ультрадемократическое», слишком пламенное «плебейство», которое «объединяло разнородные элементы «низов»... «Эти «низы» даже в те короткие периоды, когда им случалось в истории играть роль «центра притяжения для демократического крестьянства», когда им удавалось вырвать эту роль из рук либеральной буржуазии, оказывала решающее влияние на то, какую степень демократизма получала страна в последующие десятилетия так называемого спокойного развития. Эти «низы» в короткие периоды своей гегемонии воспитывали свою буржуазию, переделывали ее так, что она потом старалась пятиться назад, но не могла

¹ Сталин, О Ленине, М. 1931 г., стр. 11, 12, 13.

в этом попятном движении зайти дальше, скажем, второй палаты во Франции или отступлений от демократизма выборов и т. д. и т. п.»¹.

Пролетариат складывается в борьбе, он не рождается на свет в готовом, идеологически и политически оформленном состоянии,—способным сразу же на последовательную борьбу за социализм. Таковым он становится только по мере развития противоречий внутри буржуазного общества, по мере того, как он отделяется от буржуазной демократии, тогда, когда он организуется в свою собственную политическую партию, ставящую перед собой социалистические задачи. Задача историка и заключается в том, чтобы проследить, как рождается рабочий класс, как он оформляется в самостоятельную политическую силу, проходя через большие испытания, поражения и частичные победы, выковываясь в могучую историческую силу. Не ставить знак равенства между российским пролетариатом 1905—1917 гг. и французским «предпролетариатом» периода Великой французской революции, а проследить, как исторический опыт борьбы западноевропейского и мирового пролетариата был разработан большевизмом на основе того нового, что дал ленинизм в развитие учения Маркса—Энгельса, как этот обобщенный опыт был превращен им в могучее орудие борьбы за осуществление новых задач пролетариата в новую эпоху.

Надо внимательно изучить поэтому все проявления борьбы рабочего класса даже в самые ранние периоды развития промышленного капитализма. «Основание одного рабочего союза, — говорил Ленин, — имеет большее историческое значение, чем битва при Садовой. Сражение при Садовой решало вопрос о первенстве одной из двух буржуазных монархий, австрийской или прусской, в деле создания национального германского капиталистического государства. Основание одного рабочего союза было маленьким шагом к всемирной победе пролетариата над буржуазией»². В другом месте Ленин отмечал, что в самом незначительном по своим результатам, самом незрелом восстании рабочих мы видим не вспышки отчаяния масс (это—взгляд либералов), а первое проявление классовой силы растущего про-

летариата, готовящегося к будущим революционным боям за власть.

Ясно таким образом, что в свете учения Ленина и Сталина о перерастании, в свете опыта революций 1905 и 1917 гг. мы должны подойти и к изучению буржуазных революций на Западе, тщательно отмечая в них выступления пролетариата, изучая те причины, по которым он терпел поражения, изучая те условия, при которых он становился более сильным, более организованным, более способным к самостоятельной политической борьбе.

* * *

Ленинская теория перерастания, ленинское учение о движущих силах буржуазно-демократической революции, учение о гегемонии, о способах разрешения задач, поставленных историей перед буржуазно-демократическими революциями, учение о «выгоде» буржуазной революции («в известном смысле», как говорит Ленин) для пролетариата, учение о роли пролетариата в демократической революции и пр.—все это с учетом конкретно-исторического своеобразия каждой революции должно быть руководящим методологическим принципом и в изучении буржуазно-демократических революций на Западе.

Остановимся в этой связи прежде всего на вопросе о борьбе демократии и либерализма. Ленинское разграничение этих понятий имеет в определенном смысле общеполитическое значение. Уже из самых общих определений Лениным этих понятий видно, что они относятся в их общем виде не только к России, но что они выработаны на основании изучения борьбы демократии и либерализма также и на Западе.

Вспомним прежде всего, какой общий классовый смысл вкладывал в них Ленин. В одной из его статей, написанных в 1912 г.¹, мы читаем:

«Либералы отличаются от консерваторов (черносотенцев) тем, что представляют интересы буржуазии, которой необходим прогресс и сколько-нибудь упорядоченный правовой строй, соблюдение законности, конституции, обеспечение некоторой политической свободы.

¹ Ленин, О старых, но вечно новых истинах, Соч., изд. 3-е, т. XV, стр. 195—196.

² Ленин, Собр. соч., изд. 1-е, т. XVI.

¹ Ленин, Кадеты и демократия Соч., изд. 3-е, т. XVI, стр. 77 и 78.

Но эта прогрессивная буржуазия еще более боится демократии и движения масс, чем реакции.

Отсюда вечные стремления либералов к уступкам старому, к соглашениям с ним, к защите многих коренных устоев старины. А это всё ведет к полному бессилию либерализма, к его робости, половинчатости, вечным колебаниям».

И дальше о демократии:

«Демократия представляет широкую массу населения. Демократ не боится движения массы, а верит в него»¹.

В другой статье того же периода Ленин писал:

«Каковы отличия демократизма и либерализма вообще? И буржуазный демократ и либерал (все либералы суть буржуазные либералы, но не все демократы суть буржуазные демократы) настроен против старого порядка, абсолютизма, крепостничества, привилегий высшего сословия и т. д., настроен в пользу политической свободы и конституционного «правового» строя. Таково их сходство.

Их различие. Демократ представляет массу населения. Он разделяет мелкобуржуазные предрассудки ее...»

И дальше:

«Либерал представляет не массу населения, а меньшинство его, именно: крупную и среднюю либеральную буржуазию. Либерал боится движения масс и последовательной демократии более, чем реакции. Либерал не только не добивается полного уничтожения всех средневековых привилегий, а прямо защищает некоторые и весьма существенные привилегии»².

Такова характеристика либерализма и демократизма, данная Лениным.

Как мы увидим дальше, Ленин определяет буржуазно-демократические революции на Западе в значительной мере именно потому, как, в каких формах, с каким историческим исходом совершалась в данной стране борьба демократии с либерализмом. Исход каждой буржуазной революции в огромной степени зависел от того, какова степень развития противоречий между либералами и демократией, какова сила последней и какова та степень демократизма в стране, т. е. очистки от всего «средневекового», которой удалось добиться демократии в борьбе с либерализмом. С точки зрения историче-

ской борьбы рабочего класса важно таким образом определить, какова роль демократии в данной буржуазно-демократической революции, каков удельный вес рабочего класса в этой демократии и насколько ему, рабочему классу, удастся сделать буржуазно-демократическую революцию выгодной для себя, для своего развития путем осуществления тех революционных мероприятий, которые делают данную революцию более успешной с точки зрения уничтожения всех крепостнических, абсолютистских пережитков, с точки зрения создания условий для политического роста пролетариата, его последующей борьбы за перерастание демократической революции в пролетарскую. Установление того, какова роль рабочего класса в буржуазно-демократической революции, имеет огромное значение для исторической науки потому, что невозможно полностью понять борьбу пролетариата за пролетарскую революцию, за социализм, если не изучена история предшествующей борьбы рабочего класса. К борьбе за пролетарскую революцию, за социализм пролетариат готовился (в историческом смысле) уже в эпоху буржуазно-демократических преобразований. В статье «О карикатуре на марксизм» Ленин в 1916 г. писал:

«Нельзя пролетариату совершить социалистическую революцию, если он не подготавливается к ней борьбой за демократию»¹.

Теоретическое заключение о том, что буржуазно-демократическая революция неизбежно вызывает обострение классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией (в различных странах в различной степени), обострение, подводящее пролетариат, в революции 1905 г. например, непосредственно к революционной борьбе за власть, — этот взгляд покоится именно на историческом анализе всей борьбы рабочего класса и прежде всего его борьбы за демократию вопреки и против либерализма в эпоху буржуазно-демократических революций. По поводу одного места² из письма Энгельса к Каутскому (1891 г.) Ленин писал:

¹ Ленин, О карикатуре на марксизм, Соч., изд. 3-е, т. XIX, стр. 234.

² Это место следующее: «Если что не подлежит никакому сомнению, так это то, что наша партия и рабочий класс могут прийти к господству только при такой политической форме, как демократическая республика. Эта последняя является даже специфической формой для диктатуры пролетариата, как показала уже Великая французская революция».

¹ Ленин, Кадеты и аграрный вопрос, Соч., изд. 3-е, т. XVI, стр. 11—12.

² Там же.

пления очень часто определяли развертывание классовой борьбы в буржуазно-демократической революции и ее исход.

* * *

Подход к изучению истории буржуазных революций с точки зрения исторических интересов рабочего класса диктуется не только признанием решающего методологического значения для всей исторической науки идеи диктатуры пролетариата, но также и непосредственно вытекает из точного, научного, конкретно исторического анализа событий эпохи буржуазно-демократических революций, который мы находим у Ленина. Чтобы избежать недоразумения, оговоримся, что у нас речь идет о роли пролетариата в эпоху буржуазно-демократических революций. Это замечание сделать необходимо, так как конкретно-исторический анализ показывает, что самостоятельные выступления рабочего класса, подчас определяющие исход буржуазно-демократической революции, имеют место лишь тогда, когда буржуазно-демократические движения стали типичными, определяющими в основном характеристику эпохи. Отмечая в одной из своих записей 1566 г. как год начала голландской революции, Ленин однако считает его годом, открывающим эпоху национальных демократических движений в Европе. Ленин подчеркивает значение в этом смысле 1789 г. и определяет границы эпохи буржуазно-демократических революций годами 1789—1871¹. В одной из своих статей Ленин указывает, что «в Западной, континентальной, Европе эпоха буржуазно-демократических революций охватывает довольно определенный промежуток времени, примерно с 1789 по 1871 г.»². Припомним, что для Ленина понятие эпохи, в частности эпохи буржуазно-демократических революций, имело историко-методическое значение³. В полемике с П. Киевским он писал, что нельзя путать конкретное рассмотрение данного явления с общим определением дан-

¹ Мы не говорим здесь об эпохах буржуазно-демократических движений вне Западной Европы. Совершенно очевидно, что там даты будут иные. Для САСШ это будут годы 1783—1865. В Восточной Европе и в Азии, как говорит Ленин, эпоха буржуазно-демократических революций только началась в 1905 г. и т. д.

² Ленин, О праве наций на самоопределение, Соч., изд. 3-е, т. XVII, стр. 435 и другие места.

³ Ленин, см. Соч., изд. 3-е, т. XIX, статью «О карикатуре на марксизм».

ной эпохи. Необходимо,—писал он,—уметь отличать «данное конкретное явление от всей суммы разнообразных явлений эпохи». И дальше: «Эпоха потому и называется эпохой, что она обнимает сумму разнообразных явлений... как типичных, так и нетипичных, как больших, так и малых...» и т. д.¹. «Эпоха охватывает разнообразную сумму явлений». Это значит, что при конкретном анализе отдельных событий историк должен иметь в виду не только эпохиальные грани, не только общие условия эпохи, но и то, что является по тенденциям своего роста, по своим тенденциям, по своему будущему выходящим, так сказать, за пределы данной эпохи и что характеризуется чем-то иным, чем-то, что составляет суть типичных для данного исторического периода явлений. В применении к вопросу о буржуазно-демократических революциях на Западе это означает, что мы должны учесть все конкретное многообразие исторической действительности и выяснить прежде всего то, что характеризует общую линию данной эпохи — линию «подъема буржуазии, ее полную победу», «восходящую линию буржуазии» (Ленин) и, во-вторых, то, что как бы выходит за пределы этой основной линии и составляет отклонения, изменения этой общей линии. Конкретное всегда сложнее, полнее, богаче абстрактного, являющегося его обобщением. Историк должен учесть все процессы развития классовой борьбы данной эпохи, и, так как марксистско-ленинская историческая наука есть классовая, пролетарская, глубоко партийная наука, то ясно, что ленинский анализ должен не только изучить все то, что характеризует эпоху в целом, но в особенности все то конкретное, что идет по линии развития и политического оформления рабочего класса, создания условий его борьбы за свое освобождение. Итак ленинец-историк должен уметь, правильно применяя научно-абстрактные схемы, определения эпохи и пр., конкретно изучить все ее движения, все отклонения, всю ее противоположность, а в связи с этим также и ту линию противоречий, которая является новой по отношению к основным закономерностям эпохи — в нашем случае эпохи буржуазно-демократических революций; он должен уметь оценивать исторический процесс в целом, всю классовую борьбу в нем развивающуюся, также и с точки зрения развития этой новой закономерности, идущей по линии оформления и развития борьбы рабочего класса.

¹ Ленин, О карикатуре на марксизм, Соч., изд. 3-е, т. XIX, стр. 202.

«Энгельс повторяет здесь в особенно рельефной форме ту основную идею, которая красной нитью тянется через все произведения Маркса, — именно, что демократическая республика есть ближайший подход к диктатуре пролетариата»¹.

Но если демократическая республика есть ближайший подход к диктатуре пролетариата, то борьба пролетариата за демократию в буржуазно-демократической революции есть первое историческое условие его дальнейшей победоносной борьбы за социализм. Этим диктуется необходимость особого подхода к рассмотрению буржуазно-демократической эпохи, а именно — с точки зрения борьбы рабочего класса за свои классовые интересы, за создание условий для своего политического роста. Буржуазии, борющейся за сохранение своего господства, очень выгодно представить дело так, что рабочие не боролись против буржуазии. Именно поэтому германский социал-фашист Тарнов заявил: «Вся история рабочего движения была поддержкой капитализма». Этот взгляд представляет собой гнуснейшую попытку фальсифицировать историю. В действительности вся история рабочего движения была историей обострения классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией, историей роста и подготовки пролетариата для победоносной борьбы за разрушение капитализма, за свержение буржуазии, за установление пролетарской диктатуры. Энгельс в предисловии к третьему изданию «Гражданской войны во Франции» (1891 г.) писал:

«Во Франции после каждой революции рабочие бывали вооружены; поэтому для буржуа, находившихся у государственного кормила, первой заповедью было разоружение рабочих. Отсюда — после каждой, завоеванной рабочими, революции новая борьба, которая оканчивается поражением рабочих».

Ленин, цитируя это место, замечает:

«Итог опыта буржуазных революций столь же краткий, сколько выразительный. Суть дела... схвачена здесь замечательно»².

Что значит «итог опыта буржуазных революций»? Опыт с точки зрения какого класса? Разумеется — пролетариата. Эта точка зрения составляет суть высказываний Ленина и

Сталина о буржуазных революциях, тот аспект, под которым мы должны подходить к изучению этой эпохи на Западе. Ленин неустанно подчеркивал, что буржуазные революции мы должны характеризовать по тому, какую роль в них играли рабочие и городская и деревенская беднота, чего удавалось добиться рабочим в своем действительном историческом продвижении вперед, в борьбе за то, чтобы данная буржуазная революция стала «выгодна пролетариату».

Буржуазно-демократические революции вовсе не означали движения лишь в интересах буржуазии. Конечно Великая французская революция, о которой идет речь в нашей работе, означала прежде всего борьбу за свободное развитие капитализма; привела эта революция к упрочению господства буржуазии; объективным содержанием эпохи была борьба за осуществление интересов буржуазного класса. Однако рабочий класс не стоял в стороне от разразившейся борьбы с феодализмом, с абсолютизмом. Составляя левое крыло общедемократического фронта, пролетариат в последовательной борьбе с феодализмом неизбежно становился в той или иной степени классовым врагом буржуазии, непоследовательно проводившей те мероприятия, которые прежде всего были в интересах развития промышленного капитализма. В этой борьбе рабочие шли дальше, чем буржуазия, и совершенно неизбежно поэтому, что борьба революционной демократии того времени с феодализмом превращалась в какой-то степени в ее борьбу против крупной буржуазии — в той мере, в какой это вообще было возможно тогда, когда пролетариат не был еще отделен от общедемократического фронта. В речи на I Всероссийском съезде советов в июне 1917 г. Ленин говорил между прочим:

«В Европе каждая революция показывала, что при каждом подъеме революционной волны рабочие добиваются несколько большего, но власть капиталистов остается властью»¹.

Эти исторические выступления рабочих не могли в то время привести к осуществлению их классовых интересов, но они шли дальше тех буржуазных требований, с которыми выступали капиталисты, либералы, и именно эти высту-

¹ Ленин, изд 3-е, т. XXI, стр. 418

² Ленин, Государство и революция, Соч., изд 3-е, т. XXI, стр. 421

¹ Ленин, Речь о войне 22 (9) июня 1917 г., Соч., изд 3-е, т. XX, стр. 491

В каждой эпохе, писал Ленин, бывают и будут отдельные частичные движения то вперед, то назад, различные отклонения от среднего типа и от среднего темпа движений. Но если каждая эпоха характеризуется различными историческими движениями, то совершенно ясно, что скрепление противоречивых движений, означающих борьбу нового со старым, особенно ярко проявляется в период социальных революций, при смене общественно-экономических формаций, когда меняются закономерности исторического развития, когда особенно резко, быстро меняются соотношение классовых сил, условия борьбы и когда история ставит на решение борющихся классовых сил самый вопрос о выборе того или иного пути развития. Конечно при исследовании социальной революции—в данном случае речь идет о тех социальных революциях, которые в эпоху разложения феодализма и усиления буржуазных общественных производительных сил означали смену феодальной формации капиталистической,—надо прежде всего иметь в виду основное: линию развития и тот класс, борьба которого за расцвет своего способа производства составляет главное содержание эпохи.

«Мы не можем знать, с какой быстротой и с каким успехом разовьются отдельные исторические движения данной эпохи. Но мы можем знать и мы знаем, какой класс стоит в центре той или иной эпохи, определяя главное ее содержание, главное направление ее развития, главные особенности исторической обстановки данной эпохи и т. д.»¹.

Историк следовательно должен, во-первых, учесть объективное содержание исторического процесса в данную эпоху, определяя при этом, какой класс является главной пружиной возможного прогресса в этой обстановке, и, во-вторых, определить точно все конкретные условия классовой борьбы, все — основные и зарождающиеся — закономерности развития, все новое, что является производством и началом новых путей, нового содержания и форм исторического движения.

Присмотримся с этой точки зрения к конкретным ленинским указаниям, относящимся к вопросу о буржуазных революциях на Западе, в особенности о Великой французской революции.

¹ Ленин, Под чужим флагом, Соч., изд. 3-е, т. XVIII, стр. 107.

«Революция 1789 г. во Франции, 1848 г. в Германии и других странах была буржуазной революцией, — пишет Ленин, — потому что освобождение страны от абсолютизма и от помещичьих, крепостнических привилегий давало на деле свободу развития капитала»¹.

Общее движение эпохи, общая линия — развитие капитализма, его победа. Однако исчерпывается ли у Ленина этим его определение все конкретное многообразие развития? И прежде всего означает ли это утверждение, что если Великая французская революция была буржуазной революцией, то либеральная буржуазия была гегемоном революции на всем ее протяжении, и что выгодна революция была только буржуазии? Ленин, как известно, указывал, что вообще «понятие буржуазной революции недостаточно определяет те силы, которые могут одержать победу в такой революции»², и не дает еще полного представления о тех классовых силах, которые могут провести до конца основные требования, основные задачи революции, не исчерпывает еще ни национальных особенностей революции, ни всех возможных и неизбежных изменений в соотношении классовых сил в процессе развертывания классовой борьбы, и само по себе еще не выясняет наконец роли рабочего класса. Ленин подчеркивает разнообразие комбинаций «и самой буржуазии и рабочего класса»; он говорит и о борьбе рабочего класса с буржуазией в эпоху буржуазно-демократической революции.

Конечно нельзя ни на минуту упускать из виду, что речь идет об эпохе, на протяжении которой совершился переход от феодального общества к обществу капиталистическому. Основные закономерности общественного развития должны быть ясны для нас из этого главного факта. Победа капиталистического способа производства была еще далеко не полной в начале этой эпохи, и нужны были большие исторические события первой половины XIX в. для того, чтобы победа буржуазии была завершена полностью. Во Франции в конце XVIII в., в период Великой революции, не было еще машинной индустрии, и революция совершалась, как подчеркивает т. Сталин (мы это отметили уже), в мануфактурный период; промышленный капитализм только еще начинал свое победоносное шествие. Но буржуазия была уже

¹ Ленин, Социальное значение сербско-болгарских побед, Соч., изд. 3-е, т. XVI, стр. 186.

² Ленин, К оценке русской революции, Соч., изд. 3-е, т. XII, стр. 209.

политически сформировавшимся классом и энергично развивала свое наступление на старый феодальный порядок. Основное противоречие того времени — противоречие между феодализмом и капитализмом — определило консолидацию буржуазных сил и создало такие условия, при которых буржуазия могла претендовать и претендовала на руководство всем «народным» движением. В это время и начинает складываться либерализм как буржуазная политическая сила. На фоне борьбы капитализма с феодализмом, с абсолютизмом формируются, с одной стороны, либеральная буржуазия, с другой — революционная демократия. Эти основные закономерности эпохи нельзя ни на минуту упускать из виду в конкретном анализе. Именно эти основные закономерности, общие условия эпохи определили то, что гегемоном революции в общем смысле, в смысле основного движения в эту эпоху, была буржуазия. «В западноевропейских буржуазных революциях», — писал т. Сталин, — гегемония в революции принадлежала не пролетариату, который не представлял и не мог представлять по своей слабости самостоятельную и политическую силу, а либеральной буржуазии»¹. Значит ли это, неоднократно отмечавшееся Лениным и Сталиным, обстоятельство — именно то, что буржуазия, а не пролетариат возглавляла буржуазно-демократическую революцию на Западе, — значит ли это, что буржуазия сплачивала вокруг себя трудящиеся массы, что она была гегемоном на всем протяжении революционной борьбы вплоть до самых высших ее моментов, вплоть до решающих моментов борьбы, что не было никаких противоречий между революционной демократией и либеральной буржуазией? Конечно не означает. «Буржуазная революция», — писал т. Сталин, — не может сплотить вокруг буржуазии на сколько-нибудь длительный период миллионы трудящихся и эксплуатируемых масс именно потому, что они являются трудящимися и эксплуатируемыми»². Ясно поэтому, что противоречия между либерализмом и последовательной демократией должны были проявиться и в Великой французской революции. «Либеральная буржуазия во Франции, — писал Ленин, — начала обнаруживать свою вражду к последовательной демократии еще в движении 1789—1793 гг.»³. Эта

революционная демократия, имевшая основным своим врагом старые феодально-абсолютистские силы, включая в себя и пролетариат, еще не отделенный от общедемократического фронта и представлявший его левое крыло. Революционные силы демократии — предпролетариат, крестьянство и городская мелкая буржуазия — борются (если рассматривать их борьбу с точки зрения объективных результатов экономического развития) за беспрепятственное развитие буржуазных производительных сил. Крестьянство всем ходом исторического развития вступает в буржуазные общественные отношения. Эти обстоятельства однако не означают полного единства исторических действий пролетариата и крестьянства, с одной стороны, и крупной и средней буржуазии — с другой.

Развитие классово́й борьбы выявило в отдельных революциях различное соотношение классовых сил, выявило неодинаковую роль буржуазии.

В статье «К оценке русской революции» Ленин в 1908 г. писал:

«Возможно и бывали такие буржуазные революции, в которых торговля или торгово-промышленная буржуазия играла роль главной движущей силы»¹. Могут однако быть и бывали такие революции, в которых эта буржуазия главной движущей силой не является. Ленин говорит, что русская революция есть именно такая революция: «Победа буржуазной революции у нас невозможна как победа буржуазии»².

Означает ли это, что если буржуазная революция невозможна как победа буржуазии, а возможна лишь как победа пролетариата, являющегося гегемоном революционной борьбы, вовлекающего в эту борьбу крестьянство, городскую бедноту, широкие трудящиеся и эксплуатируемые массы, — означает ли это, что такая революция перестает быть буржуазной по своему содержанию, меняет ли это основное объективное содержание данной революции? Безусловно нет. Однако это придает революции особый характер. Это обуславливает иной исход этой революции, иное движение классов, иные исторические результаты.

¹ Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 117.

² Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 16.

³ Ленин, Соч., изд. 3-е т. XII, стр. 209.

¹ Ленин, Принципиальные вопросы избирательной кампании, Соч., изд. 3-е, т. XV, стр. 342.

² Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XII, стр. 209. Подчеркнуто Лениным.

В одной из своих статей Ленин писал:

«С прогрессом революций изменяется соотношение классов в революции»¹.

Нельзя поэтому думать, что общим определением характера революции, правильным самим по себе, т. е. в общей форме, исчерпывается характеристика каждого конкретно-исторического момента революционной борьбы. «Всякая абстрактная истина, — писал Ленин, — становится фразой, если применять ее к любому конкретному положению»². В отношении вопроса о гегемонии это означает: совсем не обязательно, чтобы тот класс, который является гегемоном в общеполитическом смысле (речь идет о западноевропейской буржуазии в эпоху буржуазно-демократических революций) и гегемоном в начале революционного движения, оказывался гегемоном данной революции на всем ее протяжении и тем более в решающие ее моменты.

В истории случалось так, что буржуазия, начинавшая политическое наступление на «старый порядок», руководившая революционной борьбой, утрачивала в процессе развертывания революции свою гегемонию, будучи неспособной на последовательную борьбу с помещичьими, абсолютистскими силами. Так было во Франции в эпоху Великой революции. Ленин, рассматривая вопрос о движущих силах буржуазной революции, приводит то место из статьи Энгельса «Об историческом материализме», в котором Энгельс, ссылаясь между прочим и на английскую революцию и на 1793 г., пишет:

«Исключительно благодаря вмешательству... йоманри и плебейского элемента городов борьба была доведена до последнего решительного конца, и Карл I угодил на эшафот. Для того чтобы буржуазия могла заполучить хотя бы те только плоды победы, которые тогда были уже вполне зрелы для сбора их, — для этого было необходимо довести революцию значительно дальше (подчеркнуто мною. — И. Т.) такой цели. Совершенно то же самое было и в 1793 г. во Франции и в 1848 г. в Германии. Повидимому таков на самом деле один из законов развития буржуазного общества».

¹ Ленин, К вопросу об общенациональной революции, Соч., изд. 3-е, т. XI, стр. 204.

² Ленин, Тяжелый, но необходимый урок, Соч., изд. 3-е, т. XXII стр. 292.

Ленин говорит, что история подтверждает эти обобщения Энгельса.

«Только вмешательство крестьянства и пролетариата, «плебейского элемента городов», — добавляет он, — способно серьезно двигать вперед буржуазную революцию»¹ и подчеркивает о с о б о важное значение этого исторического закона.

Почему же получается так, что буржуазия оказывается неспособной «серьезно двигать вперед» буржуазную революцию, довести ее до конца? Почему получается так, что революцию необходимо двигать «значительно дальше» тех целей, которые ставятся буржуазией в революции, чтобы обеспечить действительное осуществление именно этих буржуазных целей?² Ленин на этот вопрос отвечает так: в этих революциях (т. е. в тех буржуазных революциях, победа которых невозможна как победа буржуазии) буржуазия склонна всегда к компромиссу, она оказывается неспособной бороться за прямой путь исторического развития, и она политически формируется все больше и больше как контрреволюционная сила.

Конечно это учение Ленина о движущих силах буржуазных революций предполагает различие отдельных слоев буржуазии. Различным слоям буржуазии свойственны различные исторические возможности. Такие буржуазные революции, центральный вопрос которых — вопрос аграрный, и даже в значительной мере германская революция 1848 г. тем и характерны, что в процессе развертывания борьбы крестьянская буржуазная демократия отделяется от верхов буржуазии и верхушек буржуазной интеллигенции, становящихся ядром либерализма, и развертывает в союзе с городской беднотой, городскими рабочими, городским «плебсом» (а в 1848 г. — в союзе с городским пролетариатом) такую революционную энергию, на которую либеральная буржуазия оказывается неспособной как вследствие своих экономических и политических связей с силами и элементами «старого порядка», так и вследствие того, что она начинает все больше приходить в ужас от движения «низов народа» —

¹ Ленин, К оценке русской революции, Соч., изд. 3-е, т. XII стр. 210, 211.

² См. об этом также: Ленин, Пролетарская революция и ренегат Каутский, Соч., изд. 3-е, т. XXIII, стр. 387, где упоминается о том, что Маркс и Энгельс утверждали, что рабочие и крестьяне в Великой французской революции шли дальше буржуазии.

движения, неизбежно перерастающего за границы крупной буржуазной собственности. Способными на последовательную борьбу оказываются лишь рабочие (в 1848 г. в Германии — только пролетариат, ставший во главе революционных сил), ведущие за собою городскую бедноту, крестьянскую буржуазную демократию. Таков «закон развития буржуазного общества». Нам важно подчеркнуть это изменение руководящей роли различных классов в революционной борьбе, так как порой приходится встречаться с неправильным толкованием учения Ленина и Сталина — толкованием, при котором не учитывают того, как изменяется соотношение сил в связи с развертыванием революции, не учитывают того, к чему переходила гегемония в западноевропейских буржуазно-демократических революциях в решающие моменты борьбы. Ленин и Сталин исходят из того, что буржуазная революция выгодна не только буржуазии, но и пролетариату. Анализируя отдельные буржуазные революции и ссылаясь на революции 1789 г. во Франции и 1848 г. в Германии, Ленин пишет, что такие революции, как эти, «самым настоятельным образом требовались интересами рабочего класса»¹. Не только русская революция 1905 г., но и Великая французская революция были в определенном смысле выгодны пролетариату. Совершенно ясно, что мы должны различать буржуазные революции не только потому, что какой класс является главной пружиной исторического развития в данную эпоху, носителем прогресса в общем смысле, но и потому, какова доля участия пролетариата в революции, каковы его, пролетариата, сила и значение в решении важнейших задач данной буржуазной революции. В статье «Левение буржуазии и задачи пролетариата»² мы читаем:

«Возможна буржуазная революция без единой полной победы пролетариата и в результате — медленное превращение старой монархии в буржуазную и буржуазно-империалистскую (пример: Германия). Возможна буржуазная революция с рядом самостоятельных выступлений пролетариата, дающих и полные победы и тяжелые поражения, а в результате — буржуазную республику (пример: Франция)».

Этому «ряду самостоятельных выступлений пролетариата» Ленин придавал огромное значение, именно по этому

¹ Ленин, Социальное значение сербско-болгарских побед, Соч. изд. 3-е, т. XVI, стр. 186.

² Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XIV, стр. 65.

признаку он различал страны с точки зрения условий борьбы рабочего класса.

В одной из своих статей 1911 г. («О старых, но вечно новых истинах») Ленин писал:

«Буржуазная демократия каждой страны оформляется так или иначе, принимает тот или иной вид, воспитывается в той или иной традиции, признает тот или другой минимум демократизма, смотря по тому, насколько гегемония переходит в решающие моменты национальной истории не к буржуазии, а к «низам», к «плебейству» XVIII в., к пролетариату XIX и XX веков... Эта идея гегемонии и составляет одно из коренных положений марксизма»¹.

И далее:

«Каждая капиталистическая страна переживает эпоху буржуазных революций, когда складывается та или иная степень демократизма, тот или иной уклад конституционализма или парламентаризма, та или иная степень самостоятельности, независимости, свободолюбия и инициативности «низов» вообще, пролетариата в частности, та или иная традиция во всей государственной и общественной жизни. Какова будет эта степень демократизма и эта традиция, — зависит именно от того, будет ли гегемония в решающие моменты принадлежать буржуазии или ее антиподу, будет ли первая или последний (опять-таки в эти решающие моменты) «центром притяжения для демократического крестьянства» и для всех вообще демократических промежуточных групп и слоев».

Мы видим, что Ленин прямо говорит о гегемонии «низов народа», «плебейства», пролетариата в решающие моменты истории. Ленин далее утверждает, что пролетариат мог стать гегемоном в эти решающие моменты национальной истории вопреки буржуазии, в борьбе против буржуазии («...буржуазии или ее антиподу»), становясь «центром притяжения для демократического крестьянства»². Это «край-

¹ Ленин, Соч. изд. 3-е, т. XV, стр. 196.

² См. статью Энгельса «Гражданская война в Швейцарии» (Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 232), где он говорит о коротком периоде французской революции, «когда при господстве партии Горы пролетариат очутился у власти...» См. также его статью «Праздник народов в Лондоне» (там же, стр. 28) В этой статье Энгельс писал, что французская революция «была чем-то совершенно иным, чем борьба за ту или иную государственную форму... Связь между большинством восстаний того времени и голодной нуждой; значение, которое имело снабжение провизантом столицы и распределение запасов уже начиная с 1789 г.; декретирование

не важная формулировка. Она подтверждает высказанный выше взгляд, что проблема либерализма и демократии в эпоху буржуазной революции, взятая в ее общей форме, не есть специфически русская проблема. Началом размежевания демократии и либерализма мы встречаем уже в период Великой французской революции. Конечно это совсем не значит, что ядро демократии составляли там те же социальные слои, что и в России, и что степень противоречий между ними и в конце XVIII в. и в начале XX в. была одинакова.

Конечно нет. Национальные различия, обусловленные неодинаковой исторической обстановкой, как и общие различия эпох, целый ряд обстоятельств, о которых мы уже говорили выше, имели решающее значение для определения разницы между этими революциями. Буржуазно-демократическая революция в России происходила при иных исторических условиях, здесь борьба демократии и либерализма сразу приняла иные и при том резкие классово-очерченные формы, ибо во главе этой демократии стоял пролетариат, отделенный от нее, организованный в свою партию. Однако многие черты революции 1905 г. позволяют нам сравнивать ее с Великой французской революцией; в последней мы можем видеть в зачаточном состоянии многое из того, что стало потом уже не отдельной чертой, характерной для того или иного периода, а характерным для всей революционной борьбы.

Недаром Ленин говорил, что многое из характерных черт революции 1905 г. «сближает ее с великими буржуазными революциями старых времен, когда крестьянство играло выдающуюся революционную роль»¹.

Характерным в этом отношении является между прочим аграрный вопрос. Ленин часто указывал, что аграрный вопрос играл большую роль в 1789—1794 гг. во Франции. Крестьянская буржуазная демократия составила там, как и в

максимума цен, законы против скупщиков жизненных припасов; боевой клич революционных армий: «guerre—aux palais, paix—aux chaumières» «Война—дворцам, мир—хижинам»; свидетельство карманьолы, по которой республиканец наряду с *du fer* и *du souf* должен иметь также *du pain* и сотни других несомненных признаков, доказывают, помимо строгого изучения фактов, что тогдашняя демократия была чем-то совершенно иным, чем простая политическая организация. Известно также и то, что конституция 1793 г. и террор исходили от той партии, которая опиралась на возмущенный пролетариат, что гибель Робеспьера означала победу буржуазии над пролетариатом...»

1 Ленин, К оценке русской революции, Соч., изд. 3-е, т. XII, стр. 210.

России, одну из главных решающих сил в борьбе с феодализмом, в борьбе с абсолютизмом. Разница и тут конечно была огромна. Мы уже приводили слова т. Сталина об условиях крестьянского движения в буржуазно-демократической революции в России. Здесь крестьянство с самого начала шло не под руководством буржуазии, а под гегемонией, притом все более и более укрепляющейся, рабочего класса.

Во Франции в конце XVIII в. «массы» народа, беднота городов и деревень, крестьяне и рабочие, в течение определенного (самого острого) периода революции пошли дальше непосредственных ближайших буржуазных целей для осуществления прежде всего этих же целей; в России в XX в. пролетариат, политически организованный как класс, имевший свою партию, вовлекавший в революционную борьбу крестьянство, пошел не только значительно дальше непосредственно буржуазных целей, но с самого начала поставил перед собою цель перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

Здесь в огромной степени сказалась разница в исторических условиях и в силе пролетариата. Пролетариат не рождается политически сознательным. Он делается таковым в процессе развертывающейся, все более и более обостряющейся классовой борьбы. Пролетариат исторически формируется, проходя через частичные победы и большие поражения. Ленин говорил, что для того, чтобы рабочий класс дошел во всей своей широкой массе до революционных, сознательных позиций борьбы за свои интересы, «для этого нужен собственный политический опыт этих масс. Таков основной закон всех великих революций»¹.

Мы уже сказали, что начало размежевания и развития борьбы демократии и либерализма имело место во Франции уже в 1789—1794 гг. Интересы рабочего класса уже тогда не совпадали с интересами буржуазии. В Великой французской революции буржуазия уже имела свои политические партии, а это, по Ленину, является верным признаком того, что уже были элементы новой борьбы против самого буржуазного общества². Однако французские рабочие (речь идет о 1789—1794 гг.) политически, как уже сказано, не были организованы как класс, и хотя рабочий класс, вообще

1 Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, Соч., изд. 3-е, т. XXV, стр. 229—230.

2 См. указания на это у Ленина, например в его статье «Социалистическая партия и беспартийная революционность», Соч., изд. 3-е, т. VII, стр. 415

говоря, может во время революции развить энергию, во сто раз большую, чем в «обычное» время, тем не менее исторические действия, массовые выступления французского пролетариата, имевшие огромное значение для исхода французской революции, представляют собой с точки зрения всемирной истории, с точки зрения мирового опыта борьбы рабочего класса всего лишь первый исторический шаг. Если продолжать сравнивать революцию 1905 г. с французской, то надо далее сказать, что различны были и социальные силы, составлявшие ядро демократии: некоторые из тех слоев, которые во Франции составляли наряду с другими силу революционной демократии, например зажиточные слои мелкой буржуазии, буржуазная интеллигенция, повернули в России к либерализму. Удельный вес городской мелкой буржуазии вообще радикально изменился: он стал неизмеримо меньшим. Огромное, решающее различие заключается, как мы уже отмечали, в том, что в России в 1905 г. борьба пролетариата (являвшегося в России гегемоном во всем ходе революционной борьбы, на всем протяжении революции) развивается под руководством последовательно-марксистской большевистской партии. Пролетариат во главе с большевистской партией, действующей в эпоху империализма, имел и проводил свою классовую стратегию и тактику, научно обоснованную учением Маркса — Ленина. В России оказалось возможным поставить и проводить во всей борьбе рабочего класса политику союза рабочего класса и крестьянства, задачу революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, с самого начала выдвинув задачу перерастания буржуазно-демократической революции в революцию пролетарскую, социалистическую.

Всего этого не было во Франции в пору ее общедемократического движения, и все же та и другая революции имеют в указанном выше смысле много общего, и конечно Ленин был тысячу раз прав, когда говорил, что национальные особенности русской революции сближают ее с Великой французской революцией, — это тем более приходится отметить, что значение выступлений рабочих для развертывания классовой борьбы в ее решающие моменты было во Франции значительным.

Конечно во Франции того времени не было партии пролетариата, сознательно, научно ставящей в своей борьбе задачи социалистической революции, и не было условий для осуществления такого союза рабочего класса и крестья-

ства, который оказался возможным в России; тем не менее ошибочно было бы полагать, что во Франции в то время не было никаких элементов рабоче-крестьянского союза. Разбирая этот вопрос, Ленин говорит: «Не было ни одного буржуазно-освободительного движения в мире, не дающего примеров и образцов «левоблокистской» тактики, причем все победоносные моменты этих движений связаны всегда с успехами этой тактики, с направлением борьбы по этому пути вопреки колебаниям и изменениям либерализма. Именно «левоблокистская тактика», именно союз городского «плебса» (= современного пролетариата) с демократическим крестьянством придавал размах и силу английской революции XVII, французской XVIII века. Об этом Маркс и Энгельс говорили много раз не только в 1848 г., но и гораздо позже»¹

В оценке итогов революции 1789—1794 гг. Ленин неустанно подчеркивает именно то, что в революционной борьбе силы рабочих того времени соединились с революционными силами демократического крестьянства, благодаря чему эта революция приобрела свой огромный размах и силу. Он подчеркивал также и то, что именно рабочие представляли собою передовую революционную силу.

«Беспартийные», не организованные в класс рабочие 1789 и 1848 гг., — пишет он, — были передовыми борцами французской и немецкой революций»²

В другом месте он пишет:

«Во Франции гегемонию раз этак четыре за все восьмидесятилетие буржуазных революций отвоевывал себе пролетариат в разных сочетаниях с «освободительскими» элементами мелкой буржуазии»³

Как это далеко от плехановской точки зрения, так ярко выраженной в № 4 «Социал-демократа», где Плеханов писал, что буржуазные революции вообще по всем историческим законам, обязательным для всех стран, в том числе и для России, и действующим во все исторические эпохи, должна совершать буржуазия, а не пролетариат!

Ленин в противоположность Плеханову высоко ценил историческое значение выступлений пролетариата даже той

¹ Ленин, Принципиальные вопросы избирательной кампании, Соч., изд. 3-е, т. XV, стр. 347.

² Ленин, Социальное значение сербско-болгарских побед, Соч., изд., 3-е, т. XVI, стр. 186.

³ Ленин, Принципиальные вопросы избирательной кампании, Соч., изд. 3-е, т. XV, стр. 343.

эпохи, когда эти выступления были еще очень слабы и совершались в революциях, в которых исторически передовым классом была либеральная буржуазия, являвшаяся в общем смысле гегемоном революционного движения. Именно так Ленин подходил и к Великой французской революции.

В одной из статей, написанной в 1906 г., разоблачая оппортунистов и характеризуя историческое значение 1793—1794 гг. во Франции, Ленин говорит, что историческое значение Конвента определяется именно тем, что он был «диктатурой общественных низов пролетариата и мелкой буржуазии в Великой французской революции»¹. «Диктатура общественных низов пролетариата, — это может показаться с первого взгляда непонятным; однако если мы вспомним, что Ленин учил нас разделять общие условия эпохи от отдельных конкретных моментов революционной борьбы, решающих моментов революции, тогда станет ясна неразрывная связь этих высказываний Ленина со всем его учением. Ленин во всех своих высказываниях о 1793—1794 гг. неизменно отмечает, что в эти годы именно рабочие, городская беднота и демократическое крестьянство возглавили революционную борьбу; интересно в этой связи отметить то место доклада об объединительном съезде, в котором Ленин, обосновывая позицию большевиков по вопросу о вооруженном восстании, дает характеристику исторической роли Конвента. Как известно, по вопросу о вооруженном восстании, как и по другим, на съезде шла ожесточенная борьба между Лениным и большевиками, с одной стороны, и меньшевиками — с другой. В то время как Ленин призывал учиться на опыте декабрьской борьбы, меньшевики отrekliсь от задач пролетарской революции и борьбы за власть, заявив устами Плеханова: «Не надо было братья за оружие». Ленин указывал Плеханову и меньшевикам, что в своей резолюции, говорившей о том, что пролетариат должен «вырвать свои права», они скатились на точку зрения кадетской партии. В этой связи зашел спор о Конвенте, о котором упомянул в своей речи Плеханов. Ленин рассказывает в докладе об этом споре и излагает свою точку зрения:

«Поучительно также было выступление Плеханова. Он говорил (если я не ошибаюсь) о захвате власти. Он проговорился при этом самым оригинальным образом. — Я про-

тив заговорщического захвата власти, — восклицал он, — но я всецело за такой захват власти, каким был например Конвент в Великой французской революции.

Тут Плеханов был пойман нами на слове. — Превосходно, т. Плеханов, — ответил я ему. — Напишите в резолюции то, что вы сказали! Осудите как угодно резко заговорщичество — мы, большевики, все же-таки будем целиком и единогласно голосовать за такую резолюцию, в которой будет признан и рекомендован пролетариату захват власти по типу Конвента. Осудите заговорщичество, но признайте в резолюции диктатуру, подобную Конвенту, и мы согласимся с вами всецело и безусловно. Мало того. Я ручаюсь вам, что с того момента, как вы подпишете такую резолюцию, вас перестанут хвалить кадеты... Конвент был именно диктатурой низов, т. е. самых низших слоев городской и сельской бедноты. В буржуазной революции это было именно такое полновластное учреждение, в котором господствовала всецело и безраздельно не крупная или средняя буржуазия, а простой народ, беднота, т. е. именно то, что мы называем «пролетариат и крестьянство». Признавать Конвент и ратовать против захвата власти — значит играть словами. Признавать Конвент и распинаться против «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» — значит побивать самого себя»¹.

Это место, как и другие приведенные нами, очень ярко говорит о взглядах Ленина на решающие моменты в Великой французской революции². «Четыре раза отвоевал пролетариат гегемонию», «диктатура Конвента — диктатура общественных низов пролетариата», «демократия Франции с рабочим классом во главе», «диктатура пролетариев и мещан» — все эти и другие формулировки совершенно недвусмысленно говорят о том, что Ленин выделял выступления рабочих в эпоху буржуазной революции и оценивал эти революции также и под углом зрения решающих их моментов, под углом зрения гегемонии наиболее революционных классов в эти решающие моменты³.

¹ Ленин, Доклад об объединительном съезде, Соч., изд. 3-е, т. IX, стр. 217.

² Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXII, стр. 15.

³ В докладе о мире на II Всероссийском съезде советов 8 ноября (26 октября) 1917 г. Ленин говорил о «ряде революций, имевших всемирно-историческое значение, совершенных французским пролетариатом».

¹ Ленин, Кто за союзы с кадетами, Соч., изд. 3-е, т. IX, стр. 372.

II. ВОПРОС ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Не будем умножать цитат. Из многочисленных выдержек, приведенных нами, достаточно ясно, как подходил Ленин к оценке буржуазных революций, в которых выступал пролетариат, и как в частности он оценивал роль пролетариата и вообще всей революционной демократии в Великой французской революции. Мы конечно не должны при всем этом забывать ленинских указаний об основном историческом фоне эпохи, о которой идет речь. Речь идет об эпохе буржуазных революций, т. е. об эпохе, когда историей на очередь был поставлен вопрос о разрушении феодальных отношений, о создании условий для свободного развития капитализма, когда в основном уже определялся тип национальной буржуазии и только начинал политически оформляться пролетариат, в период Великой французской революции еще почти совсем слитый с демократией. Следовательно, как мы уже выше сказали, это был период начала борьбы демократии против либерализма¹.

От вопроса о значении пролетариата, его роли в самом процессе Великой французской революции, перейдем теперь к вопросу о значении классовой борьбы пролетариата для исхода этой революции и для определения типа политического развития данной страны, для оформления национального уклада капитализма, для всего последующего развития Франции. Выше мы уже отметили, что характер и формы политической борьбы пролетариата во все последующие периоды эпохи буржуазно-демократического преобразования в значительной мере определялись степенью обостренности борьбы между мелкобуржуазной революционной демократией и буржуазно-помещичьим либерализмом в период революции.

Для ответа на вопрос, поставленный нами выше, прежде всего следует установить экономическую неизбежность стремления французской крупной буржуазии к компромиссам с

¹ Мы не касаемся здесь европейских революций 1848 г. и роли в них пролетариата. Совершенно очевидно, что между 1789 — 1794 гг. и 1848 г. во Франции существует огромная разница. Пролетариат 1848 г. выступал, уже отнюдь не будучи слитым с мелкобуржуазной демократией, он выступал уже против буржуазии в целом, выступал уже против Луи-Бланов и всех предменьшевиков того времени. Борьба пролетариата в этот период, когда уже возник марксизм, представляет собою качественно иное явление, чем борьба рабочих в революции 1789 — 1794 гг.

феодализмом, со «старым порядком». Буржуазные отношения развивались, в значительной мере переплетаясь с феодальными отношениями. Не бывает «чистого» капитализма, «чистым» тем более он не рождается. Только либеральные эпигоны народничества, вроде буржуазного историка Лучичко, могли думать, что если в сельском хозяйстве развивается капитализм, то он с самого начала должен развиваться только в виде «чистых» капиталистических отношений: с одной стороны, землевладелец-капиталист, а с другой — батрак, сельский пролетарий, не имеющие ни клочка своей земли. Ленин смеялся над таким нелепым представлением о возникновении и развитии капитализма и всегда подчеркивал, что капитализм в сельском хозяйстве развивается среди необычайного многообразия форм, в пестром переплетении старых отношений с новыми (это относится и к помещичьему хозяйству и к крестьянскому). Процесс развития капиталистического способа производства означал значительное сращивание интересов верхней прослойки буржуазии — финансовой, торгово-промышленной — с элементами «старого порядка», с феодальным государством. Вот почему Ленин был глубоко прав, когда писал:

«Либеральная буржуазия не случайно, а в силу коренных интересов ее, стремится к сделке со старой властью, колеблется между революцией и реакцией, боится народа, боится свободного и всестороннего развития его деятельности».

В отличие от либеральной буржуазии «крестьянская демократия в силу объективных условий, в которые поставлена крестьянская масса, вынуждена, несмотря на отсутствие полной сознательности в ее рядах, поступать революционно»¹. Эти слова Лениным были сказаны в связи с оценкой положения в России, но конечно в некоторой степени, с известными конкретными изменениями, они применимы и во Франции, и именно поэтому Ленин писал, что «либеральная буржуазия во Франции начала обнаруживать свою вражду к последовательной демократии еще в движении 1789 — 1793 гг.»².

Кризис предреволюционной экономики Франции не сводился к противоречию между более или менее готовыми капиталистическими формами хозяйства и старыми социально-политическими условиями развития, он был также кризисом полуфеодальных, полубуржуазных форм, не имевших воз-

¹ Ленин, Кто за союзы с кадетами, Соч., изд. 3-е, т. IX, стр. 373.

² Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XV, стр. 342.

возможности перейти на «прямой» путь развития» и заставлявших в компромиссных формах экономического бытия. При наличии огромных препятствий для развития капитализма крестьянское хозяйство Франции, вступавшее в буржуазные общественные отношения, также переживало кризис. Задача создания свободного крестьянского землевладения, этой основы развития капитализма в сельском хозяйстве, не могла быть разрешена при господстве «старого порядка», и совершенно очевидно, что в ходе развития революционного кризиса должна была развернуться не только борьба буржуазии с помещиками, но и борьба мелкобуржуазной революционной демократии против помещиков, буржуазно-помещичьих и буржуазных элементов. Рассматривая с этой точки зрения события Великой французской революции, следует сказать, что последовательно-революционные мероприятия против феодализма были конечно прежде всего буржуазными мерами, направленными в основном к тому, чтобы расчистить пути для свободного развития буржуазной экономики. Однако по движущим силам, определявшим осуществление и фактическое содержание этих мероприятий — при наличии переплетения интересов верхов буржуазии с интересами помещиков, сенюров и пр., — эти мероприятия выходили за непосредственные интересы крупной буржуазии, ее целей и стремлений. Естественно поэтому, что победа буржуазной демократии возможна была лишь как победа демократии вопреки либерализму. Ленин имел в виду именно эту борьбу демократии против либерализма в пределах осуществления буржуазных преобразований, исторически возможных и необходимых в ту эпоху, когда он говорил о всемирно-историческом значении борьбы пролетариата и мелкой буржуазии за подлинный демократизм, в эпоху, предшествовавшую борьбе пролетариата за социалистическую революцию. Он имел в виду не только Россию, когда говорил об этой борьбе демократии против либерализма. Для обоснования своего положения Ленин прямо ссылаясь на Великую французскую революцию. «Мартов, — говорил он, — забыл опыт 1905 — 1906 годов в России, 1789 и следующих во Франции, 1911 г. в Китае. Опыт этот говорит: власть лишь тогда переходит к либералу (или левее), когда побеждает демократия вопреки либералам»¹.

¹ Ленин, Плохая защита либеральной рабочей политики, Соч. изд. 3-е, т. XV, стр. 439.

Или в другом месте:

«Так бывало везде: либералы становились властью только тогда, когда демократия побеждала вопреки либералам».

Значение этой борьбы демократии и рабочего класса в главе ее выходит далеко за пределы непосредственных результатов революционных боев в отдельные моменты революции. Оно простирается на всю эпоху буржуазно-демократических революций, в значительной степени предопределяя характер всего последующего политического развития страны. Разница между французской буржуазной республикой 70-х годов и полусамодержавной буржуазно-помещичьей (тех же и последующих годов) Пруссией, сохранившей остатки абсолютизма вплоть до 1919 г., определяется прежде всего тем, что во Франции пролетариат отвоевывал гегемонию в те решающие моменты национального развития, когда история ставила на решение борющихся классов сил вопрос о путях дальнейшего развития, а «в Пруссии, и в Германии вообще, помещик не выпускал из своих рук гегемонию, — как отмечает Ленин, — во все время буржуазных революций, и он «воспитал» буржуазию по образу и подобию своему»¹. Во Франции пролетариат «переделял» буржуазию. Вся политическая история французской буржуазии вплоть до 70-х годов XIX в. находит объяснение в этом важнейшем обстоятельстве. Для того чтобы раскрыть идейно-политическое лицо буржуазии Франции в эпоху буржуазных революций (восемидесятилетие — 1789—1871 гг.), недостаточно еще анализа ее борьбы с помещиками. Эта борьба, как и вся борьба буржуазии и весь путь ее исторического развития в целом, получает полное и действительное объяснение лишь тогда, когда мы рассматриваем эту борьбу также и под углом зрения нарастания противоречий между пролетариатом и буржуазией. Французская буржуазия была монархической в начале эпохи буржуазно-демократических преобразований, она стала республиканской в конце ее. Пролетариат по мере увеличивавшейся решительности и самостоятельности своих выступлений «переделял» ее, как говорит Ленин, т. е. заставлял буржуа быть республиканцами поневоле. Именно в результате решительной пролетарской борьбы, в

¹ Ленин, Принципиальные вопросы избирательной кампании, Соч. изд. 3-е, т. XV, стр. 343.

результате этой «переделки» буржуазии ее антиподом во Франции и созданся тот политический строй, упрочившийся с 1871 г., который был вовсе не угоден французской либеральной буржуазии и который был создан вопреки ей и в борьбе против нее. Именно в результате этой борьбы и вышло из Франции буржуазное государство, наиболее очищенное от всего старого, «средневекового», от всех феодально-абсолютистских остатков. Влияние французской революции и последующих выступлений пролетариата простирается таким образом на всю историю XIX столетия. Говоря о значении Великой французской революции, Ленин отмечает, что «...власть низших слоев тогдашней буржуазии... для буржуазии, для буржуазной бюрократии сделала столько, что все развитие всего цивилизованного человечества во всем XIX веке — все исходит от Великой французской революции, все ей обязано»¹.

Конечно борьба пролетариата за демократию в эпоху буржуазно-демократической революции на Западе не представляет собой чего-либо однородного, одинакового на протяжении всей этой эпохи (1789—1871 гг.). Пролетариат начал отделяться от демократии уже в самом начале борьбы демократии с либерализмом. Лионское восстание, чартизм, июнь 1848 г. — все это уже явления принципиально иного порядка; здесь пролетариат выступает уже (пусть часто еще не сознавая этого) не только против феодализма, но и против буржуазии в целом, — к июню 1848 г. это относится безусловно и полностью: вспомним, что Маркс и Ленин называли июньское восстание первой классовой войной между пролетариатом и буржуазией. Процесс отделения от демократии, процесс осознания пролетариатом своих собственных классовых задач находит свое законченное выражение в учении Маркса—Энгельса. К этому времени выявляется полностью и классовая сущность той буржуазной демократии, которая воспевала идеи свободы, равенства и братства в дни Великой французской революции и которая по мере

¹ См. в другом месте: «Возьмем Великую французскую революцию. Она недаром называется великой. Для своего класса, для которого она работала, для буржуазии, она сделала так много, что весь XIX в., тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком французской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии, интересам которой они служили, хотя они этого и не сознавали, прикрываясь словами о свободе, равенстве и братстве» (изд. 1-е, т. XVI, стр. 221)

пробуждения сознательности социалистического пролетариата становилась все более и более грозной, хищнической, полностью обнаруживая свое лицо политической и идейной защитницы капиталистического порядка. «Демократия» буржуазии означала жестокую, зверскую расправу с пролетариатом. «Демократия», установленная буржуазией, была формой и орудием господства класса эксплуататоров. Ленин писал, что «буржуазная демократия, будучи великим историческим прогрессом по сравнению с средневековьем, всегда остается — и при капитализме не может не оставаться — узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной, раем для богатых, ловушкой и обманом для эксплуатируемых, для бедных»¹. Ленин далее отмечал, что чем больше развитие этой так называемой «демократии», тем больше подчиняет себе биржевой банкир буржуазный парламент. Ленин всегда отмечал историческую ограниченность и условность буржуазной демократии, ее классовую эксплуататорскую сущность. «Всемирный опыт буржуазных и помещичьих правительств», — писал Ленин, — выработал два способа удержания народа в угнетении. Первый — насилие... Но есть другой способ, лучше всего разработанный английской и французской буржуазией, «проученных» рядом великих революций и революционных движений масс. Это — способ обмана, лести, фразы, миллиона обещаний, грёшевых подачек, уступок неважного, сохранения важного»².

Международный меньшевизм как партия, олицетворявшая в течение долгого периода этот второй способ удержания народа в угнетении, создал целую идеологию демократизма, борьбы за «демократию» и пр. В эпоху, когда историей были поставлены уже задачи социалистической революции, когда буржуазная демократия, идеология демократизма означала самое тонкое контрреволюционное орудие, предназначенное для политического и духовного угнетения рабочего класса, — меньшевики стали бороться за «демократию», используя идеологию буржуазии того времени, когда она была революционной. Меньшевики склонны даже вспомнить «опыт» революции 1789—1794 гг. во Франции. Едва ли не самыми типичными следует считать в этом отношении Жореса и русских меньшевиков. Борьба с социал-фашизмом требует борьбы с ним также и на историческом фронте. На-

¹ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXIII, стр. 346

² Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XX, стр. 116.

до пригвождать к позорному столбу всякого современного «демократа», воспевающего современный буржуазный строй при помощи ссылок на борьбу демократии в эпоху Великой французской революции. Мы видим в этой революции не то, что видят в ней меньшевики. Мы видим в ней прежде всего массу, героическую, революционную массу, совершившую и 14 июля 1789 г., и 10 августа 1792 г., и 2 июня 1793 г. Рабочие и крестьяне боролись тогда отнюдь не за строй Кавеньяка и Галифе, естественными дополнителями которых в общей системе сохранения буржуазного господства являются меньшевики. Широкая трудящаяся масса того времени, шедшая под мелкобуржуазными лозунгами борьбы, не понимала исторического значения происходивших событий, своих собственных действий. Винить в том ее труднее всего; использовать мелкобуржуазные лозунги борьбы того времени для сохранения господства хищнического капиталистического класса — подлее всего, что только можно сделать, обращаясь к «опыту» революционных событий конца XVIII в.

* * *

1789—1794 гг. могли сыграть огромную роль в истории человечества потому, что в значительной мере именно в эти годы силами революционной демократии были разрушены феодальные порядки, абсолютизм, и тем самым был очищен путь для развития нового строя — буржуазного общества и государства.

Некоторые из историков этой революции (мы говорим о некоторых из историков-коммунистов) неполно, совершенно недостаточно оценивают степень хозяйственного преобразования Франции в эти годы, когда ставят под сомнение факт создания революцией крестьянской собственности. Многие не понимают, что задача создания свободной крестьянской собственности (последняя была конечно в определенной степени развита и до революции) в основном могла быть разрешена лишь в революции и действительно была решена ею. Сторонники той точки зрения, что свободная крестьянская собственность существовала в развитых формах во Франции до революции и что революция ничего нового не внесла в этом смысле в аграрные отношения, по существу переходят на позицию признания мирного, эволюционного решения основных вопросов буржуазного развития Франции, без революционной последовательной борьбы. Не привлекая

здесь для критики этой точки зрения фактического, конкретно-исторического материала, мы отметим лишь, что эта взгляды совершенно противоречат взглядам марксизма-ленинизма. И Маркс, и Энгельс, и Ленин, и Сталин отмечали всегда закономерность революции как момента перехода от одной формации к другой. Конечно промышленный капитализм Франции достиг определенной и уже довольно высокой степени своего развития до революции. «Буржуазная революция», — писал т. Сталин, — начинается обычно при наличии более или менее готовых форм капиталистического уклада, выросших и созревших еще до открытой революции в недрах феодального общества»¹. Не будь этих форм капиталистического уклада, невозможны были бы рост буржуазии и сама революция. Однако это конечно не означает того, что пред-революционное развитие создало в се элементы нового буржуазного строя. Если говорить не только об определенных элементах капиталистического способа производства, но и о капиталистической формации как общественном целом, то надо сказать, что именно революция могла завершить подведение под нее вполне развитых экономических основ. В статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» Ленин писал, что все героические чудеса революционной армии эпохи Великой французской революции оказались возможны, во-первых, благодаря «действительно революционной расправе с отжившим феодализмом» и, во-вторых, потому, что благодаря этой расправе революция сделала возможным «переход всей страны, и притом с быстротой, решительностью, энергией, беззаветностью, поистине революционно-демократическими, к более высокому способу производства, к свободному крестьянскому землевладению»². Во время революции и благодаря революции произошло значительное «перерождение», «обновление», как выражается Ленин, хозяйственной основы Франции. «Побежденный феодализм, упроченная буржуазная свобода, сытый крестьянин»³ как результат создания свободной крестьянской собственности, — таковы были экономические и социально-политические итоги этой революции, «победоносной во всемирно-историческом масштабе».

То положение, что Великая французская революция была крупнейшим моментом в экономической истории Франции,

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 16.

² Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXI, стр. 189.

³ Ленин, О революционной фразе, Соч., изд. 3-е, т. XXII, стр. 263.

имеет для нас большое значение и в другом отношении. Было бы неправильно предположить, что создание классовой формации происходило без выявления противоречий нового антагонистического способа производства. Исторические события развивались, как известно, так, что наряду с основным противоречием той эпохи — противоречием между буржуазными производительными силами и феодальными общественными отношениями — выявлялись уже в некоторой, еще неразвитой форме противоречия, присущие иным историческим закономерностям, новому, а именно капиталистическому обществу. Эти противоречия второго рода не могли развиваться сколько-нибудь сильно. Ленин отмечает, что рабочие и крестьяне делали преимущественно разрушительное дело, выкорчевывая корни старого эксплуататорского строя; того, что они вступали в общество с новыми, буржуазно-эксплуататорскими общественными отношениями, — этого тогда они почти совершенно еще не понимали. Движения пролетариата не могли в то время поставить перед собой задачи, выходящие целиком за пределы буржуазного общества; однако это еще не значит, что рабочие делали только то, что непосредственно укрепляло буржуазию, что непосредственно удовлетворяло буржуазные интересы. В общем историческом смысле, в смысле «объективных» итогов развития пролетариат в блоке с крестьянской демократией работал над созданием буржуазного общества, т. е. делал дело буржуазии. Мы знаем однако, что, делая это дело, рабочие шли дальше буржуазии, дальше ее непосредственных требований и интересов. Это означает, что в процессе развертывания острых классовых боев, с неизбежностью перераставших в гражданскую войну, революционными действиями «диктатуры пролетариев и мещан» в короткий период их господства — правда, в очень слабой степени — уже ставились задачи, выходящие за пределы непосредственно буржуазных целей революции.

Ленин писал когда-то, что «полной победы не суждено было завоевать якобинцам главным образом потому, что Франция XVIII в. была окружена на континенте слишком отсталыми странами и что в самой Франции не было материальных основ для социализма, не было банков, синдикатов капиталистов, машинной индустрии, железных дорог»¹. Исторические действия якобинцев были таким образом ка-

ким-то, хотя и слабым, приближением, неоформленным началом движения к той «полной победе», которая становится возможной в другую эпоху, уже создавшую «материальные основы для социализма», т. е. к победе пролетариата в борьбе с капитализмом в его последней стадии. Исторические действия «низов народа» в 1789—1794 гг., классовые устремления «пролетариев и мещан», глубоко прогрессивные в самой своей основе, несмотря на идеологический туман, господствовавший в их головах, пришли в столкновение, в противоречие с сгращенной материальной действительностью, и якобинская диктатура пала¹.

* * *

Рассмотрение буржуазно-демократических революций на Западе, как таких революций, в которых рабочий класс зреет и готовится к своей победе, является основным углом зрения Ленина во всех его высказываниях о западноевропейских буржуазных революциях. Конечно надо помнить, что речь идет о рабочем классе того времени. Историю рабочего класса надо рассматривать в его развитии. Пролетариат XVIII в. разумеется далеко не идентичен пролетариату XX в. Огромной принципиальной политической ошибкой является смазывание качественной разницы между эпохами, стирание качественных различий между выступлениями пролетариата XVIII в. и ролью пролетариата

¹ Маркс в 1847 г. в статье «Морализирующая критика и критицизирующая мораль» (Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 205) дал именно такую характеристику роли пролетариата в процессе развертывания классовых битв в буржуазной революции во Франции в конце XVIII в. Маркс писал, что «победа пролетариата» в этой революции была «мимолетной», она оказалась «моментом в ходе самой же буржуазной революции», моментом, послужившим для дальнейшего ее развития.

Маркс писал о неизбежности, об исторической обусловленности этого, ибо победа пролетариата в полном смысле, в смысле освобождения пролетариата, построения социалистического общества, не могла быть в ту эпоху, когда в ходе истории, в ее «движении» не выработались еще материальные условия, создающие необходимые предпосылки для устранения буржуазного способа производства, а следовательно — и окончательного падения политического господства буржуазии. Господство террора во Франции могло поэтому послужить лишь к тому, чтобы ударами своего страшного молота стереть сразу, как по волшебству, все феодальные руины с лица Франции. Буржуазия с ее тревожной осмотрительностью не справилась бы с такой работой в течение десятилетий. Кровавые действия народа лишь выравнивали ей, следовательно, дорогу» (там же, стр. 205, 206).

¹ Ленин, Можно ли запугать рабочий класс «якобинством?», Соч., изд. 3-е, т. XX, стр. 556.

В развитии классовой борьбы XX в. Это смазывание разницы между эпохой начала промышленного капитализма и эпохой империализма — «кануна социалистической революции» (Ленин), смазывание разницы между только еще начавшим формироваться пролетариатом и социалистически сознательным пролетариатом XX в., борющимся во главе с большевистской партией, — прямым путем ведет к отрицанию ленинизма, к отрицанию социалистического характера Октябрьской революции. И недаром например мелкобуржуазный историк Матвеев, как известно, не различает мелкобуржуазную демократию и мелкобуржуазное движение от пролетарского движения и не видит решающей разницы между революциями XVIII и XX вв. Смазывать разницу между мелкобуржуазной демократией XVIII в., включавшей в себя рабочих, не вышедших за пределы этой демократии, бывших тогда еще в сущности предпролетариатом, с одной стороны, и пролетариатом и его выступлениями (даже в буржуазно-демократической революции), в XX в., с другой, — значит переходить на сторону врагов социализма. Ошибку однако делают те, которые совсем не видят роли пролетариата, городской бедноты в Великой французской революции. Ленин и Сталин в своих общих высказываниях о буржуазно-демократических революциях на Западе придают огромное значение силе масс, их революционной энергии и беззаветности, рассматривая историю этих революций в непосредственной связи с положением, по которому марксистская историография отличается от буржуазной историографии тем, что она признает огромную историческую значимость революционной энергии масс. Конечно в конце XVIII в. эти массы не были классово организованными, политически сознательными, однако это обстоятельство не может нас заставить отрицать огромное историческое значение их выступлений. Разумеется, когда Ленин говорит например о «полной победе» якобинцев и ставит вопрос о материальных условиях для социализма, то он говорит об этом в широком историческом смысле и не хочет этим сказать, что например осуществление идейных устремлений Сен-Жюста было бы проведением в жизнь социалистических начал, было бы началом организации социалистического общества. У Ленина речь идет о могучем историческом действии эксплуатируемых масс, во главе которых в определенные моменты широких буржуазных демократических движений на Западе вставали именно рабочие, «низы пролетариата». Класс формирует-

ся в борьбе, и нужно смотреть на развитие роли рабочего класса так же исторически, как и на развитие его идеологии, форм его политической борьбы, на выработку его мировоззрения. Ленин писал, что «К. Маркс больше всего боролся против старого, утопического социализма, требуя научного взгляда, указывающего, что на почве борьбы классов класс растет и нужно помогать ему зреть»¹. На развитие исторической роли рабочего класса надо смотреть исторически, с точки зрения борьбы рабочего класса, его роста не только в ту эпоху, когда рабочий класс ставит себе непосредственно революционно-социалистические задачи, но и роста его в эпоху предшествующую, когда основным прогрессивным классом эпохи являлась буржуазия, когда рабочий класс формировался в борьбе против феодализма, а также и против самой буржуазии.

Рабочему классу надо было пройти большую школу гражданской войны, прежде чем он сумел политически организоваться как класс и выработать свою подлинно пролетарскую классовую идеологию. Во время Великой французской революции пролетариат, как мы уже много раз говорили, не был организован как класс, и поэтому у него не было необходимой классовой выдержки. Ленин всегда отмечал, что рабочий класс в буржуазно-демократических революциях на Западе был недостаточно многочисленен, что у него оказывалось недостаточно политических сил, организованности. «Все великие революции, — говорит Ленин в другом месте, — стремились всегда смести до основания старый капиталистический строй, стремились не только завоевать политические права, но и вырвать самое управление государством из рук господствовавших классов, всяких эксплуататоров и угнетателей трудящихся, чтобы раз навсегда положить предел всякой эксплуатации и всякому угнетению»².

Таким образом стремление уничтожить всякое угнетение имеет место, по Ленину, и в эпоху буржуазно-демократических преобразований. Уже тогда, в силу развертывания борьбы классов и роста пролетариата как важнейшей революционной силы, ставились вопросы уничтожения всякой эксплуатации.

¹ Ленин, Речь на III Всероссийском съезде профсоюзов, Соч., изд. 3-е, т. XXV, стр. 145.

² Ленин, III Всероссийский съезд советов. Заключительное слово перед закрытием съезда, Соч., изд. 3-е, т. XXII, стр. 223.

Ясно таким образом, что в нашем изучении истории борьбы западноевропейского пролетариата мы должны бороться как с точкой зрения, по которой Октябрьская революция является простым продолжением и завершением Великой французской революции и которая представляет собой пустое аналогизирование, забвение разницы между эпохами, приводящее к стиранию грани между мелкобуржуазной демократией XVIII в и пролетарской борьбой за социализм во второй половине XIX и особенно в начале XX вв., так и с той точкой зрения, которая не видит исторической связи между борьбой рабочих за демократию в XVIII в. и первой половине XIX в. и борьбой за социалистическую революцию выросшего, окрепшего и организовавшегося в класс пролетариата начала XX в. Забвение роли пролетариата, который в союзе с мелкой буржуазией отвоевал, согласно взглядам Ленина, гегемонию в революционной борьбе в решающие моменты, забвение роли пролетариата приводит, так же как и первая точка зрения, к буржуазной, меньшевистской трактовке истории Великой французской революции. К сожалению, в нашей литературе недостаточно резко выражена борьба против этой опасности, и в научно-исследовательской и учебной литературе представляется обычным такой анализ исторических событий, при котором роль пролетариата, история его роста, его борьбы совершенно выпадают. Известно, что экономическая история рабочего класса, история его борьбы в ту эпоху, о которой у нас идет речь, нами еще не разработана. Буржуазные историки не ставили и не ставят себе задачей разработку этой истории, и если говорят о ней, то только для того, чтобы как Тарнов, фальсифицировать историю в целях сохранения буржуазного господства. Однако и в нашей литературе до сих пор часто приходится встречаться с прямой недооценкой роли пролетариата, роли рабочих как передовых борцов в Великой французской революции, указать хотя бы на пример такую формулировку: «Великая французская революция совершилась «при отсутствии пролетариата»¹.

Эта точка зрения представляет совершенно законченное отрицание сколько-нибудь серьезного значения борьбы пролетариата в буржуазно-демократическом движении и полное отсутствие учета роли пролетариата в решающие моменты этой борьбы.

¹ Фридлянд, История Западной Европы т I, стр. 147

Мы не можем здесь дать полного анализа тех работ советских историков, в которых они излагают историю французской революции конца XVIII в. Следует лишь сказать, что некоторые из них находятся — или по крайней мере находились до последнего времени — под сильным влиянием социал-демократических схем и концепций. У некоторых из этих историков Кунов и Каутский чувствуются на каждом шагу. Правооппортунистические и «левацкие» ошибки имеют место довольно часто. Марксистско-ленинская историческая наука должна беспощадно вскрывать это социал-демократическое влияние на работы советских историков и создать подлинно ленинскую историю буржуазно-демократических революций на Западе

Не рассматривая всех работ о Великой французской революции, мы берем здесь лишь некоторые из трудов т. Фридлянда; учебники его очень распространены, между тем как влияние буржуазной, социал-демократической историографии на нем сказалось весьма сильно; — неленинские установки т. Фридлянда в ряде вопросов истории привели его к целой системе ошибочных положений, к искажениям в изображении исторического процесса. В его статье о классовой борьбе в июне-июле 1793 г.¹ эти ошибочные установки сказались очень ярко.

Следует прежде всего отметить, что для т. Фридлянда характерен механистический подход к рассмотрению классовой борьбы в этот период. Анализируя вопрос об «активности буржуазии», т. Фридлянд спрашивает, чем объясняется эта «активность буржуазии» в французской революции, и отвечает: своеобразным экономическим положением в определенный момент, характеризуемый наличием ажиотажа, спекуляции, усиленной продажи национального земельного фонда и т. д. Важнейшие моменты классовой борьбы т. Фридлянд чаще всего склонен объяснять не общим ходом классовой борьбы, а непосредственно данным экономическим состоянием в такие-то месяцы, в такие-то дни. Развитие классовой борьбы вытекает у него из положения данного дня, имеет, так сказать, конъюнктурное объяснение. Это — механистический подход. Он определяет собою отражение в исторической науке механистических извращений. Тов. Фридлянд дает такие объяснения отдельным моментам классовой борьбы, которые возможны лишь в

¹ «Историк-марксист», т I и II

том случае, если считать, что производительные силы непосредственно определяют производственные отношения и что между ними имеется абсолютное соответствие в каждый данный момент; какие бы то ни было противоречия между производительными силами и производственными отношениями в классовом обществе согласно этой точке зрения вообще таким образом отрицаются. Объяснение логики классовой борьбы непосредственно экономической конъюнктурой — характерная черта методологии т. Фридлянда. Он не понимает внутренней логики буржуазно-демократической революции, ее «самоподвижения», борьбы старых и новых закономерностей, тех противоречий закономерностей, из рассмотрения которых неизменно исходит в своем анализе буржуазных революций Ленин. Согласно взглядам т. Фридлянда, 2 июня 1793 г. (свержение жирондистов) собственно ничего не случилось. Якобинцы последовательно проводили исключительно буржуазную программу в первый период их законодательства. Они стремились к тому, чтобы примирить все интересы¹, они «вели осторожную буржуазную политику²; они проявили «осторожность и заботливость в вопросе о накоплении капитала» (стр. 92); «реальную политику» они проводили и в военных вопросах и т. п. По мнению автора, якобинцы получили классовую силу потому, что они сумели соединиться с буржуазией.

Не замечая противоречивости общественного развития, не замечая, что уже первые декреты якобинской диктатуры стали возможны лишь благодаря тому, что широкие массы народа говорили свое слово и делались силой, все более определявшей политику якобинцев, которые становились в определенной степени выразителями интересов городской и деревенской бедноты, не замечая того, что сама революция 2 июня была возможна только потому, что в борьбе «со старыми силами и в борьбе с жирондистами, не умевшими последовательно бороться с силами «старого порядка», выросло сильное демократическое движение, определявшее все важнейшие действия Конвента, — не замечая всего этого, т. Фридлянд как бы ставит в заслугу якобинцам их буржуазную программу первых месяцев их господства и, смазывая всю борьбу революционных масс народа против жирондистов, делает такой общий вывод: «Во всех основных

вопросах социально-экономической политики якобинцам пришлось выступить с отчетливой экономической программой в интересах буржуазии, и понятно, почему им так легко удалось изолировать жиронду, взять на себя защиту интересов революции, опираясь на народные массы и значительную часть деловой буржуазии».

По мнению т. Фридлянда, якобинцы получили силу потому, что они выступили с программой буржуазии, опираясь на народные массы и «деловую буржуазию» (зачем этот термин Кунова?), и во главе народных масс и «деловой буржуазии» стали защищать интересы революции. Какой революции? В интересах какого класса?

Тов. Фридлянд не видит того глубокого различия, которое в то время существовало между подлинно народными массами и крупной буржуазией, между устремлениями бедноты и буржуазии.

Он не видит всей противоречивости положения якобинцев, которые уже в первый период стали возглавлять народное движение. Он не видит, что якобинцы представляли собой политическую силу, развивавшуюся в противоречиях, путем разрывов с крупной и средней буржуазией, разрывов с жирондистами. Только в дальнейшем якобинцы, по мнению т. Фридлянда, стали представителями мелкобуржуазной диктатуры. Однако с этого времени они являются исторически реакционной силой. «Реакционно-утопическая система», «мелкобуржуазная утопия» якобинцев — эти определения автора имеют целью показать, что стремления якобинцев были исторически реакционными и что, напротив, «жирондистские идеи соответствовали интересам грядущего»¹. Тов. Фридлянд совершенно игнорирует историческое значение того обстоятельства, что уже до революции 2 июня 1793 г. жирондисты смыкались с реакционными силами. Политическая межа между жирондистами и якобинцами была уже в это время чрезвычайно глубокой. Тов. Фридлянд не понимает всей сложности буржуазно-демократического движения, он представляет себе это движение только как борьбу буржуазии; он не видит в буржуазно-демократической революции борьбы революционной демократии, т. е. движения широких народных масс. Именно поэтому он и не понял всей борьбы между буржуазией и народными массами, борьбы между жирондистами и яко-

¹ «Историк-марксист», т. II, стр. 172.

² «Историк-марксист», т. I, стр. 94.

¹ «Историк-марксист», т. I, стр. 89.

бинцами, именно поэтому также он и стал утверждать, что якобинцы в своих стремлениях были реакционными, а «жирондистские идеи соответствовали интересам грядущего». Оценка якобинских стремлений как исторически реакционных у автора не случайна; характеризуя «социальный кризис» июля 1794 г., т. Фридлянд определяет этот момент развития революции как «столкновение между мелкобуржуазной, туссто окрашенной аграрным утопизмом, а следовательно исторически реакционной системой Сен-Жюста и Робеспьера, с одной стороны, и капиталистической программой буржуазного авангарда «термидорианской» (в будущем) коалиции — с другой», и т. д.¹

Давая характеристику якобинцам, автор, как бы сожалеет о том, что якобинцы частично вышли за пределы буржуазной программы. «Конечно, — говорит он, — если бы удалось осуществить буржуазную часть программы, — удалось бы избежать «9 термидора»...² Эта оценка якобинцев как исторически реакционной группы находится у т. Фридлянда в связи с другим его положением, примыкающим к этому, — положением, согласно которому якобинцы выступили как защитники и представители крестьянской демократии. Из всей трактовки т. Фридляндом этого вопроса явственно вытекает, что он считает движение крестьянско-буржуазной демократии в эпоху буржуазно-демократических революций реакционным. Именно эта мысль является одной из основных в концепции т. Фридлянда.

Давая такую характеристику якобинцам и крестьянской демократии, автор целиком и полностью порывает со взглядами Ленина и Сталина на Великую французскую революцию

* * *

Для Ленина решающим в определении исторического значения якобинской диктатуры является, во-первых, то, что якобинцы представляли собою силу, способную на наиболее последовательную борьбу с феодализмом, абсолютизмом, во-вторых, то, что якобинцы были способны не только вести до конца борьбу с феодализмом, но и, толкаемые революционными устремлениями широких народных масс, в какой-то степени пойти дальше чисто буржуазных

намерений того времени, что они, в-третьих, применяли на более революционные способы борьбы, наиболее последовательно проводя широкую, подлинно революционную для своего времени демократию, что они, наконец, действительно опирались на эксплуатируемые массы, на «низы» народа. Движение этих масс вело к формированию демократии в ее борьбе против либерализма, к формированию в будущем пролетариата как класса в той борьбе, которую он, не будучи еще отделен от мелкобуржуазной демократии, проводил против феодализма, против врагов буржуазии и демократии, начиная уже здесь отделяться от общедемократического фронта. Это осуществление требований «низов» демократии породило с неизбежностью стремления некоторой части якобинцев выйти за пределы капиталистической собственности. Так Сен-Жюст в его «фрагментах» — «О системе республиканских учреждений», о которых говорит т. Фридлянд, являлся представителем именно такой идеологии, которая стремилась стать антикапиталистической («антибуржуазная система эгалитарной республики», как выражается т. Фридлянд).

Разумеется все это не значит, что все выступления якобинцев, все их мероприятия шли только в интересах широких народных масс. Конечно нет. Мы знаем, что якобинцы, испытывавшие на себе сильное влияние зажиточных слоев мелкой буржуазии, проводили некоторые мероприятия, шедшие отнюдь не по линии защиты рабочих, а, наоборот, иногда направленные против них. Противоречивость положения мелкобуржуазной демократии сказывалась чрезвычайно сильно

Это и понятно. Якобинцы, опиравшиеся на широкие народные массы, представляли собой политический блок различных социальных сил. В этом блоке были и рабочие, и крестьяне, и городская мелкая буржуазия, и ремесленники, и интеллигенция и т. д.¹ Все развитие якобинской диктатуры приводило к консолидации буржуазно-помещичьих сил в их борьбе с якобинством, с одной стороны, и означало развитие социальных противоречий внутри и между различными силами, входившими в якобинский блок, — с другой стороны. Всякая буржуазная революция, в которой принимает участие широкая народная масса, есть живое противоречие. Живым противоречием была и Великая французская рево-

¹ «Историк-марксист», т. VII, стр. 160. Подчеркнуто т. Фридляндом.

² Там же, стр. 170

¹ См. указания Ленина на этот счет в т. XV, стр. 195 во Франции «большая часть демократическое, ультрадемократическое, «слишком пламенное» плебейство объединяло разнородные элементы низов».

люция. Там не было классовой силы, способной поставить социалистические задачи и бороться за них. Там был однако тот «народ», то «четвертое сословие», которое отнюдь не было склонно слепо идти за буржуазией; тот «народ», прежде всего те рабочие, которые 14 июля 1789 г. разрушили Бастилию, которым 17 июля 1791 г. буржуазия устроила резню на Марсовом поле, впервые со всей яркостью показав, на какую зверскую жестокость способен этот эксплуататорский хищник; народ, заставивший буржуазию провозгласить — «отечество в опасности», составивший боевые отряды революционных армий, давших отпор наступлению феодальной европейской коалиции. Там был народ, совершивший революцию 10 августа 1792 г., через 10 месяцев свергнувший жирондистов, потом установивший революционную диктатуру. Там была революционная масса, в лице якобинцев в короткий исторический срок расправившаяся с врагами революции, очистившая Францию от феодализма и крепостничества так, как не могла это сделать никакая другая социальная группа того времени. «Буржуазия с ее тревожной осмотрительностью, — писал Маркс, — не справилась бы с такой работой в течение десятилетий».

Однако нельзя не добавить, что масса, единая в своем революционном порыве против «старого порядка», была далеко не единой во всем том, что относилось к установлению новых общественных отношений, нового общественного строя. В соответствии с ростом противоречий внутри нового буржуазного общества развивались различные социальные устремления различных социальных сил, составлявших революционную демократию того времени. Эта демократия была предводительствуема якобинцами. Якобинцы в соответствии с этим не представляли собой чего-либо единого, социально однородного. Якобинцы были блоком различных сил, представлявшим прежде всего рабочих и крестьян того времени, но также и мелкую городскую буржуазию и буржуазную интеллигенцию. Господствовавшая в якобинстве группа (робеспьеристы) больше всего испытывала на себе влияние мелкобуржуазных слоев и была способна в отдельные моменты на открытую антирабочую политику. Социальная программа якобинцев была соединением различных требований различных слоев.

Социальная программа и социальная политика якобинцев, будучи во многом противоречивыми, имели и реакционные черты. Когда Матьез изображает робеспьеристов толь-

ко как героических борцов против сил «старого порядка», он скрывает реакционные черты робеспьеровского якобинизма, черты лица, грозно обращенного к пролетариату. Робеспьер вел борьбу с «бешеными», с коммуной; он был конечно двойственен, как и вся мелкобуржуазная демократия. Это, однако, не может помешать нам, при общей исторической оценке якобинцев, их действий считать их выразителями интересов самых демократических слоев того времени, способных на наиболее последовательную, революционную борьбу с феодализмом и абсолютизмом. Они более других политических «партий» того времени способны были выражать стремления и интересы широких народных масс. Именно поэтому Ленин и писал:

«Историки буржуазии видят в якобинстве падение («скакнуться вниз»). Историки пролетариата видят в якобинстве один из высших подъемов угнетенного класса в борьбе за освобождение. Якобинцы дали Франции лучшие образцы демократической революции и отпора коалиции монархов против республики...

«Якобинство» в Европе или на границе Европы и Азии в XX в. было бы господством революционного класса — пролетариата, который, поддержанный беднейшим крестьянством и опираясь на наличность материальных основ для движения к социализму, мог бы не только дать все то великое, неискоренимое, незабываемое, что дали якобинцы XVIII в., но и привести во всемирном масштабе к прочной, победе трудящихся. Буржуазии свойственно ненавидеть якобинство. Мелкой буржуазии свойственно бояться его. Сознательные рабочие и трудящиеся верят в переход власти к революционному угнетенному классу, ибо в этом суть якобинства...»¹.

В другом месте Ленин писал, что «якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавший свои классовые интересы, это и есть революционный социал-демократ»².

Тов. Фридлянд совершенно не понял этих слов Ленина и не заметил, что идеологическая форма, охватывавшая стремления к равенству, к эгалитаризму, означала в то время одну из немногих развитых форм широких стремлений народных масс. Это стремление к эгалитаризму, будучи мелкобуржуазной утопией, реакционной по своему идей-

¹ Ленин, Можно ли запугать рабочий класс «якобинством?», Соч., изд. 3-е, т. XX, стр. 556.

² Ленин, Шаг вперед, два шага назад, Соч., изд. 3-е, т. VI, стр. 303.

н о м у содержанию, имея реакционные черты, вовсе не было реакционным по своей исторической, социальной роли в классовой борьбе того времени.

Тов. Фридлянд не понимает ни ленинского учения о роли крестьянской демократии в эпоху буржуазно-демократической революции, ни ленинского учения о роли идеологии. В статье «Две утопии» Ленин писал, что роль идеологии, например народнической идеологии, различна в различных социально-экономических условиях; народническая утопия — «спутник и симптом великого массового демократического подъема крестьянских масс» в условиях эпохи буржуазного преобразования; эта идеология становится реакционной, когда встает вопрос об экономическом освобождении пролетариата. Не трудно видеть, что этот общий методологический подход к оценке роли идеологии применим также в отношении исторических событий, имевших место и в Западной Европе в конце XVIII и в начале XIX в. Идеология эгалитаризма, как и идеология якобинизма вообще, стала впоследствии реакционной силой — это бесспорно, но тогда, в конце XVIII в., в период Великой французской революции, историческая роль ее заключалась не только в непосредственном значении идейного содержания данной идеологии; историческая роль якобинской идеологии была весьма своеобразна; она определялась прежде всего тем, что она была в значительной степени выражением движения широких народных масс.

Надо уметь видеть не только реакционные черты идеологии, но и демократические устремления широких масс, прогрессивные в самой своей основе. Это тем более относится к деятельности тех социально-политических групп периода Конвента, которые с полным правом могут быть названы предшественниками революционной борьбы пролетариата. Кстати сказать, «бешеные», конечно, не равны Робеспьеру, и Матьез фальсифицирует историю, когда изображает всю Великую французскую революцию, весь ее героический терроризм, всю героическую борьбу народа как дело Робеспьера. Жак Ру и Варле, «партия бешеных», гебертисты, систематически толкавшие правящую группу якобинцев к революционным мероприятиям, — вот кто были подлинные представители народа. Их стремления больше всего отражали стремления «низов» народа, широкую революционную массу.

Это именно про них говорил Энгельс, когда говорил о конечных выводах, сделанных Бабефом из идеи равенства 1793 г.

Весьма любопытно в связи с этим отметить общую установку т. Фридлянда в вопросе о характере общественного развития в эпоху Великой революции. «Исторически, — пишет он, — по всем видимостям борьба со всеми остатками феодализма более соответствовала интересам пробуждающегося промышленного капитализма, чем попытка установить компромисс между буржуазными завоеваниями первых лет революции и все еще значительными остатками прошлого»¹. Не трудно видеть, что это учреждение лишено того научно-классового анализа, которому учил Ленин: здесь вопрос о борьбе с феодализмом поставлен в общей форме, вне какой бы то ни было связи с вопросом о борьбе демократии с буржуазно-помещичьим либерализмом, вне связи с вопросом о гегемонии «общественных низов пролетариата» и мелкой буржуазии в решающие моменты революции. Тов. Фридлянд не понимает, что вопрос о том, как пройдет борьба с феодализмом, какими методами, решался живой борьбой классов; в баланс же сил этой борьбы пролетариат того времени играл далеко не последнюю роль.

Можно было бы привести не мало образцов именно такого подхода к изучению Великой французской революции, какой мы иллюстрировали сейчас на примере т. Фридлянда. В дискуссии по поводу «9 термидора»¹, которая имела место в Обществе историков-марксистов, высказывались например утверждения, что, «в сущности говоря, вся политика мелкой буржуазии, начиная с мая-июня 1793 г. до 9 термидора, шла по линии интересов крупной буржуазии».

Представители этой точки зрения не понимают, что ходом классовой борьбы в то время было уже создано большое политическое различие между интересами крупной буржуазии и интересами движения широких народных масс. Вспомним, что общие высказывания Ленина о демократии и либерализме, о роли пролетариата в буржуазно-демократической революции имеют непосредственное отношение к Великой французской революции. Великая французская революция, по Ленину, не представляла собою такой революции, в которой все исторические действия совершались и в общем и в непосредственном смысле исключительно в интересах крупной буржуазии. Одно из основных указаний Ленина заключается в том (это было совершенно упущено в дискуссии, о которой мы говорим), что в Великой фран-

¹ «Историк-марксист», т. II, стр. 5171.

цузской революции мы имеем не только борьбу буржуазии, но и борьбу широких народных масс, «низов» демократии рабочих и крестьян; мы должны подходить к изучению этого крупнейшего исторического события, рассматривая его также и под углом зрения исторического значения борьбы «общественных низов пролетариата», боровшихся тогда вместе с мелкобуржуазной демократией, значения этой борьбы для всего последующего развития классовой борьбы, под углом зрения участия рабочих, их роли в данной революции. Только при таком подходе можно правильно применять учение Ленина и Сталина о буржуазно-демократических революциях на Западе.

Слабость разработки ленинского исторического наследия сказалась очень сильно на разработке вопросов Великой французской революции. Очень часто не учитывают, что у Ленина мы имеем огромный методологический и конкретно-исторический материал по этой проблеме, что у Ленина мы имеем не просто отдельные высказывания, а ответы на все вопросы развития классовой борьбы в эту эпоху. Из того, что мы приводили выше, видно, что Ленин не раз давал освещение этому крупному историческому событию, не раз в борьбе с меньшевиками, со всякого рода врагами рабочего класса устанавливал принципы нашего, большевистского изучения прошлого, давая и непосредственные ответы на конкретно-исторические вопросы этой эпохи. И это не только в работах, тематически посвященных западным, так сказать, темам. В статьях и речах по вопросам русской революции мы находим у Ленина ряд высказываний, касающихся опыта западноевропейского революционного движения, опыта борьбы пролетариата в западноевропейских буржуазно-демократических революциях. Основываясь на учении Маркса и Энгельса, опираясь на их указания о Великой революции во Франции, Ленин продолжал разработку учения Маркса и Энгельса, разработку истории борьбы угнетенных классов и обогатил марксистскую историческую науку указаниями, освещающими конец XVIII в. и классовую борьбу того времени светом новой эпохи, в которую он жил. Таким образом, целиком опираясь на Маркса — Энгельса, Ленин развил дальше учение о движущих силах Великой французской революции, как и вообще поднял на новую ступень всю методологию исторического исследования, всю историческую науку. Большевистские историки Великой французской революции должны изучить все высказы-

вания Ленина и Сталина об этом крупнейшем событии. В свете ленинизма как марксизма эпохи империализма и пролетарской революции надо изучить всю мировую историю борьбы пролетариата и вообще широких эксплуатируемых и угнетенных масс. В отношении Великой французской революции это приходится сказать тем более, что троцкисты создали свою «историю», свою концепцию этой революции — концепцию, представляющую собою прямую фальсификацию исторических событий, созданную ими в антибольшевистских, контрреволюционных целях.

В чем сущность троцкистского «учения» о Великой французской революции?

* * *

Борьба троцкизма против большевистской партии и ее вождя т. Сталина имела, как известно, определенный классовый смысл. Она была борьбой буржуазии и ее агентов против построения социализма, против ленинизма. Эта борьба привела к полному разоблачению буржуазной сущности троцкизма, к отсечению троцкистов от ленинской партии, привела троцкистов в их борьбе против большевизма к тому, что они стали передовым отрядом контрреволюционной буржуазии, снабжающим буржуазию всем арсеналом борьбы против пролетарской диктатуры. Эта борьба имела целью: во-первых, доказать невозможность построения социализма в одной стране, тем самым разоружить пролетариат и привести его к капитуляции перед международной буржуазией; во-вторых, привести рабочий класс в столкновение с трудящимся крестьянством и тем самым привести к гибели также пролетарскую диктатуру; в-третьих, эта борьба имела целью создание троцкистами своей собственной партии в противовес партии большевизма. Все эти устремления троцкистов, вся их оценка развития СССР, все их взгляды на вопросы классовой борьбы, пролетарской диктатуры были непосредственно связаны с отрицанием ими социалистического характера Октябрьской революции, социалистических возможностей ее, с отрицанием ими возможности союза пролетариата с широкими массами крестьянства и возможности социалистической реконструкции сельского хозяйства и т. д., т. е. все это было связано и вытекало из меньшевистской оценки Октября, из неверия в силы рабочего класса, из меньшевистского взгляда на крестьянство как на реакционную массу. В целях доказательства своих меньшевист-

ских тезисов Троцкий прибегал к историческим аналогиям, сравнивая Октябрьскую революцию с Великой французской революцией, обвиняя партию в перерождении и термидорианстве.

В этих целях Троцкий фальсифицировал как историю Октябрьской, так и историю Великой французской революции. В основе его исторических аналогий лежало именно отрицание социалистического характера нашей революции и троцкистско-меньшевистская теория взаимоотношений рабочего класса и крестьянства. Троцкий приравняет буржуазную революцию конца XVIII в. к социалистической Октябрьской революции 1917 г. И там и здесь он видит одни и те же закономерности, одни и те же законы развития. Троцкому надо было доказать, что крестьянство — контрреволюционная сила, что надо бороться против него, и Троцкий сооружает соответствующую схему исторического процесса, в которой высшие моменты различных революций различных эпох сводятся к одной и той же меньшевистской формуле: диктатура революционного города над страной. Что представляла собою Великая французская революция? Ответ Троцкого очень прост: она представляла собой «диктатуру революционного города над страной». Троцкий уверяет, что именно «так было в Великой французской революции». А что собой представляла Парижская коммуна 1871 г.? Троцкий и на это дает ответ: «Коммуна в своем развитии означала диктатуру рабочего Парижа над крестьянской страной». Троцкистские оценки революции 1905 г. настолько известны, что их приводить нет нужды. Лозунг «без царя», а правительство рабочее» имел своим основанием полное игнорирование революционных возможностей крестьянства и представление о революции как диктатуре города над крестьянской страной: Октябрьская революция, по этой же исторической схеме, совершилась в Петрограде одним приказом, а в провинции — «по телеграфу»; революция эта должна была быть диктатурой над крестьянской страной. Поразительная вещь! Решительно вся история всех революций, оказывается, была историей диктатуры над крестьянством!

Троцкий создал свою историю, свою в частности историю Великой французской революции, всеми корнями своими уходящую в меньшевистское изображение исторического процесса. Тов. Сталин в своей речи на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в 1927 г., говоря о борьбе буржуазии в

24 г. против советской власти и коммунизма, сказал: «Либералы и меньшевики, сменовеховцы и всякие ренегаты вводили тогда о неизбежности перерождения нашей партии. Вы знаете, что они брали тогда примеры из области французской революции, утверждая, что большевики должны потерпеть такое же крушение, какое потерпели в свое время якобинцы во Франции. Вы знаете, что исторические аналогии с французской революцией (крушение якобинцев) являлись тогда и продолжают являться теперь основным аргументом всех и всяких меньшевиков и сменовеховцев против сохранения диктатуры и возможности строительства нашей стране»¹. Глупые и невежественные обвинения нашего перерождения и термидорианства выставлялись троцкистами для того, чтобы скрыть тот факт, что «все переродившиеся и изгнанные из партии и Коминтерна оппортунистические элементы группируются вокруг троцкистской оппозиции, находя там себе приют и защиту»².

«Чем объяснить, — говорил т. Сталин, — что Рут Фишер, Маслов, Шолем и Урбанс, изгнанные из Коминтерна и германской компартии как переродившиеся и ренегатские элементы, находят себе защиту и радушный прием именно троцкистской оппозиции? Чем объяснить, что такие оппортунистические и действительно переродившиеся люди, как Суварин и Росмер во Франции, Оссовский, Дашковский в СССР, находят себе приют именно у троцкистской оппозиции? Можно ли назвать случайным, случайностью тот факт, что Коминтерн и ВКП исключает из своей среды этих переродившихся и действительно термидориански настроенных людей, — Троцкий и Зиновьев принимают их в объятия, давая им приют и защиту; не говорят ли эти факты о том, что революционные фразы троцкистской оппозиции становятся фразами, а на деле оппозиция является сборным пунктом переродившихся элементов? Не говорит ли все это о том, что троцкистская оппозиция является гнездом и расадником перерожденчества и термидорианства?»

Для оправдания своей меньшевистской теории взаимоотношений рабочего класса и крестьянства, для оправдания своих капитулянтских позиций в вопросе о построении социализма Троцкий и троцкисты стали изображать нашу революцию по специально созданной схеме буржуазно-демо-

¹ Сталин, Об оппозиции, стр. 742 (речь на объединенном заседании Президиума ИККИ и ИКК 27 сентября 1927 г.).

² Там же, стр. 716.

кратической революции конца XVIII в., изображая ее как диктатуру города над крестьянством; для того, чтобы затушевать, скрыть тот факт, что «оппозиция является спорным пунктом переродившихся элементов», «является гнездом и рассадником перерожденчества и термидорианства» (Сталин), для того, чтобы затушевать тот факт, что оппозиция стала тогда создавать свою собственную партию из этих переродившихся и термидорианских элементов, — для этого Троцкий стал изображать дело так, будто бы в Великой французской революции якобинцы переродились и неизбежно должны были скатиться к термидорианской реакции. Клевета на партию и Ленина неизбежно повлекла за собою клевету и фальсификацию в отношении истории Великой французской революции, клевету и фальсификацию в отношении истории якобинской диктатуры, как и в отношении истории вообще.

Можно ли вообще сравнивать французскую революцию конца XVIII в. с Октябрьской революцией? Конечно можно. Весь вопрос в том, как сравнивать, что видеть и в той и в другой революции. Весь вопрос в том, заниматься ли невежественным аналогизированием, заниматься ли фальсификацией, или научно-историческим анализом различных рядов закономерностей в различных революциях. Ленин не раз сравнивал эти революции. Но как? Самое главное в этих сравнениях Ленина то, что он всегда подчеркивал их принципиально историческое различие. Так в своей статье «Очередные задачи советской власти», написанной в марте—апреле 1918 г., Ленин писал, что мы стоим неизмеримо выше достигнутого в 1793 г., так как мы «ввели по всей России высший тип государства — советскую власть»¹, т. е., что мы осуществили победоносную социалистическую революцию, победоносную диктатуру пролетариата в отличие от буржуазной революции конца XVIII в., когда пролетариат не представлял самостоятельной политической силы и не мог даже поставить задачу перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Приравнивать пролетарскую революцию XX в., основным содержанием которой явились и являются ликвидация классов, уничтожение классового неравенства, построение социалистического общества под руководством пролетариата и его партии, к буржуазной революции

XVIII в., приведшей к усилению политического и экономического господства буржуазии, которая была тогда восходящим классом, — значит заниматься гнуснейшей фальсификацией, пошлой, бездарной игрой в исторические аналогии. Совершенно ясно, что:

«... Октябрьская революция не является ни продолжением, ни завершением Великой французской революции. Целью французской революции была ликвидация феодализма для утверждения капитализма. Целью же Октябрьской революции является ликвидация капитализма для утверждения социализма» (Сталин).

Ведь недаром Ленин в статье «Об очередных задачах советской власти» в том месте, где он сравнивает Октябрьскую революцию с французской конца XVIII в., подчеркивает, что самое главное в нашей революции — обеспечение условий социалистического строительства, о котором конечно не могли и думать вожди мелкобуржуазной демократии XVIII в., когда не было никаких материальных основ для социализма. Ленин пишет: «Буржуазия побеждена у нас, но она еще не вырвана с корнем, не уничтожена и даже не сломлена еще до конца. На очередь дня выдвигается поэтому новая, высшая форма борьбы с буржуазией — переход от простейшей задачи дальнейшего экспроприирования капиталистов к гораздо более сложной и трудной задаче создания таких условий, при которых бы не могли ни существовать, ни возникнуть вновь буржуазия».

Дальше он говорит, что, идя по пути создания таких условий, мы будем переходить к социалистическому обществу. Борьба за ликвидацию капитализма, борьба за бесклассовое общество, за социализм — вот что самое главное в нашей революции. Только с целью борьбы против ленинизма, против строящегося социализма можно ставить знак равенства между этими революциями, видеть в них одни и те же процессы. Октябрьская социалистическая революция попутно, мимоходом, разрешила и полностью завершила задачи буржуазно-демократической революции, имея своим основным содержанием задачи другого, неизмеримо более высокого, именно социалистического порядка. Поэтому-то Ленин в «Заметках публициста» писал, что «Российский пролетариат поднялся в своей революции на гигантскую высоту не только по сравнению с 1789 и 1793 гг., но и по сравнению с 1871 г.».

¹ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXII, стр. 444.

И дальше, отмечая все то, благодаря чему мы поднялись на гигантскую высоту, Ленин особо подчеркивал как самое важное то, что:

«...мы создали советский тип государства, начали этим новую всемирно-историческую эпоху политического господства пролетариата, пришедшую на смену эпохе господства буржуазии»¹.

Совершенно ясно, что сравнение этих революций при смешении исторических закономерностей — пустая болтовня, долженствующая прикрыть капитулянтские позиции в отношении Октябрьской революции, борьбу против партии, возглавлявшей и возглавляющей эту революцию.

Ленин всегда беспощадно боролся против таких аналогизирований, скрывающих историческую действительность в угоду классовому врагу. В борьбе против «левых» коммунистов в 1918 г. Ленин особенно часто повторял, что «всяческие воспоминания 1792 г. и т. п. — одна революционная фраза. Повторяют лозунги, слова, боевые клики, а анализа объективной действительности боятся»².

III. О ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЕ

Обратимся однако к якобинцам XVIII в., к их действиям, к их лозунгам, их устремлениям. Что представляла собою их диктатура? Отчего она погибла? Какое место занимала она в буржуазной революции того времени?

Мы уже приводили много высказываний Ленина о 1789—1794 гг. Из них с достаточной ясностью вытекает, что Ленин рассматривал Великую французскую революцию как типичную законченную буржуазно-демократическую революцию в эпоху подъема буржуазии.

В своей статье «Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа?», написанной еще в 1905 г., Ленин выразил этот взгляд на 1789—1794 гг. с предельной ясностью и точностью. Разоблачая классовую сущность взглядов либерального историка Павла Виноградова, выразившего «с

¹ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXVII, стр. 198, 201 и др. Подчеркнуто нами. — И. Т.

² Ленин, Собр. соч., изд. 1-е, т. XV, стр. 94. Подчеркнуто нами. — И. Т.

редкой рельефностью» «интересы, тактику, психологию воекорыстной буржуазии», Ленин, приведя сравнение Виноградовым революции 1848 г. в Германии с революцией 1789—1794 гг. во Франции, писал: «В чем коренная разница между обоими путями? В том, что буржуазно-демократический переворот, осуществленный Францией в 1789 г., Германией — в 1848 г., в первом случае был доведен до конца, а во втором — нет; в первом случае дошел до республики и полной свободы, а во втором — остановился, не слолив монархии и реакции; во втором случае прошел под руководством главным образом либеральных буржуа, ведших за собой на буксире недостаточно окрепший рабочий класс; в первом случае проведен, хотя бы в известной части, активной революционной массой народа, рабочих и крестьян, отодвинувших, хотя бы на время, в сторону солидную и умеренную буржуазию; во втором случае быстро привел к «успокоению» страны, т. е. к подавлению революционного народа и к торжеству «урядника и вахмистра», в первом — доставил на известный период господство революционному народу, раздавившему сопротивление «урядников и вахмистров»¹. Это была следовательно буржуазно-демократическая революция, доведенная до конца революционным народом, на короткое время вырвавшим власть в лице якобинцев. То была эпоха подъема буржуазии, когда буржуазия в общеисторическом смысле была передовым прогрессивным классом. Действия рабочих и крестьян, составлявших ядро демократического движения, привели к решительной победе над врагами буржуазии — феодализмом, абсолютизмом. Для того чтобы завершить буржуазно-демократическую революцию, им надо было даже частично пойти дальше чисто буржуазных требований революционной буржуазии, испугавшейся революционной мощи подлинно широких масс народа и начинавшей блокироваться под влиянием этого со старыми силами. Мелкобуржуазная демократия, включавшая в себя и рабочих и крестьян, оказавшаяся на короткий период у власти, делала объективно дело буржуазии, двигала вперед развитие буржуазного общества. Действия рабочих и кре-

¹ Ленин, Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа? Соч., изд. 3-е, т. VIII, стр. 190. Подчеркнуто нами. — И. Т.

ства, представлявшие собою исторически великое и неизбежаемое, находились в ряду закономерностей буржуазно-демократической революции. «Плебейские» способы борьбы, формы борьбы рабочих и крестьян того времени выходили уже за пределы узко классовых возможностей борьбы со стороны либеральной буржуазии.

В этом и заключается диалектическое противоречие того времени.

Именно так понимал Ленин слова Маркса, которые нередко цитировал как поразительно верную характеристику содержания и форм борьбы в Великой французской революции. «Удастся решительная победа революции, — писал он в статье «Две тактики социал-демократии в демократической революции»,¹ — тогда мы разделяемся с царизмом по-якобински, или, если хотите, по-плебейски. «Весь французский терроризм, — писал Маркс в знаменитой «Новой рейнской газете» в 1848 г., — был не чем иным, как плебейским способом разделиться с врагами буржуазии, с абсолютизмом, феодализмом и мещанством». Думали ли когда-нибудь о значении этих слов Маркса те люди, которые пугают социал-демократических русских рабочих пугалом якобинизма...?»²

Здесь уместно отметить еще раз ту коренную разницу, которая была между Великой французской революцией и революцией 1905 г. в России. И революция 1789—1794 гг. и революция 1905 г. были буржуазно-демократическими по своему объективному содержанию; революция 1905 г. была однако, при этом пролетарской по способам борьбы. Пролетариат и его партия в 1905 г. рассматривали буржуазно-демократическую революцию как первый этап борьбы пролетариата за социалистическую революцию. Коренные вопросы русской революции были вместе с тем коренными вопросами мировой революции.

Великая французская революция, совершавшаяся, как мы уже писали, в иную эпоху, при ином соотношении классовых сил и пр. и пр., конечно не была пролетарской ни в каком смысле.

¹ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. VIII, стр. 64.

² Marx, Nachlass, изд. Меринга, в русском переводе: «Карл Маркс и Ф. Энгельс в эпоху немецкой революции (1843—1850 гг.)», стр. 222, Гиз, 1928.

По-революционному, «по-плебейски» с врагами народа, врагами революции могли разделиться только якобинцы; уже говорили выше, почему именно они были выразителями подлинно революционной массы того времени, наиболее последовательно защищавшими ее интересы. Интересы демократии пытались защитить и жирондисты, «но они были непоследовательными, нерешительными, оппортунистическими защитниками этого дела. Поэтому с ними боролись якобинцы, которые так же последовательно отстаивали интересы передового класса XVIII в., как революционные социал-демократы последовательно отстаивают интересы передового класса XX в. Поэтому жирондистов поддерживали и оправдывали от нападков якобинцев прямые изменники делу великой революции, монархисты, попы-конституционалисты и т. д.»¹. Ленин неустанно подчеркивал, что якобинцы были подлинными выразителями интересов широких революционных масс. В статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» Ленин писал о якобинцах как о людях, действительно бывших революционными демократами, действительно опиравшихся на народные массы». Он писал о них, что «эти люди умели устанавливать революционный контроль за богачами и достигать результатов, перед которыми преклонялся весь мир»².

В другой статье Ленин писал, что «историческое величие стоящих «якобинцев», якобинцев 1793 г., состояло в том, что они были «якобинцы с народом», революционным большинством народа, с революционными передовыми классами своего времени». И дальше, обращаясь к Плеханову, он спрашивал: «Вы учились истории гг. Милюковы и Плехановы. можете ли вы отрицать, что великие якобинцы 1793 г. не боялись объявить врагами народа именно представителей реакционного, эксплуататорского меньшинства народа своего времени? Именно представителей реакционных классов своего времени?»³. Великая французская революция была такой революцией, которая до конца последовательно проводила буржуазно-демократические ме-

¹ Ленин, Освобожденные и новоискровцы, монархисты и жирондисты, Соч., изд. 3-е, т. VII, стр. 152.

² Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXI, стр. 174.

³ Ленин, Переход конт. революции в наступление, Соч., изд. 3-е, т. XX, стр. 435.

вых врагов, подкреплявшихся всеевропейской монархической-феодальной реакцией, не могли прочно опереться на один основной класс, который мог бы двигать революцию дальше и отстоять ее от термидорианцев, от части якобинцев, переродившихся и перешедших на сторону классовых врагов; они не могли (правящая группа Робеспьера не хотела) опереться на пролетариат; последний и не представлял тогда сколько-нибудь значительной самостоятельной политической силы. Вспомним слова Ленина о том, что материальных основ для социализма в ту эпоху не было...

«Диктатура трудящихся», не получив классовой опоры в пролетариате, единственной силе, способной вообще двигать буржуазно-демократическую революцию дальше буржуазных мероприятий, должна была погибнуть. Крестьяне такой решающей силы, способной на самостоятельную линию в политике, конечно представить не могли. В своей речи на Всероссийском съезде транспортных рабочих в 1921 г. Ленин говорил:

«Это показал общий ход революций, в которых бывали краткосрочные диктатуры трудящихся, поддержанные временно деревней, но не бывало упроченной власти трудящихся; все в короткое время скатывалось назад. Скатывалось назад именно потому, что крестьяне, трудящиеся, мелкие хозяйчики своей политики иметь не могут и после ряда колебаний им приходится идти назад. Так было и в Великую французскую революцию, так было в меньшем масштабе и во всех революциях»¹.

Крестьяне в 1793—1794 гг. поддерживали якобинцев в их борьбе с врагами революции, но единственный класс, который мог бы возглавить дальнейшее революционное продвижение вперед—пролетариат,—тогда еще был настолько слаб, неформален, что возглавить дальнейшую борьбу не мог, и крестьянам, добившись разрушения феодальных тягот, феодальных зависимостей, «пришлось идти назад».

Следует отметить огромное методологическое значение для исторической науки слов т. Сталина об условиях победоносной борьбы против эксплуататоров, против угнетения, о «стихийных восстаниях крестьянства против феодального гнета». Крестьянские восстания, — говорит т. Сталин, — могут приводить к успеху только в том случае, если они

сочетаются с рабочими восстаниями, если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели». («Большевик», № 8 за 1932 г.). Эту мысль мы находим и у Ленина в 1918 г. в его речи к делегатам комитетов бедноты Московской области.

«Все европейские революции,—говорил Ленин—кончались ничем именно потому, что деревня не умела справляться со своими врагами. Рабочие в городах свержали царей (в Англии и Франции царей казнили еще несколько сот лет тому назад, это мы только опоздали с нашим царем), и однако после некоторого времени воцарялись старые порядки. Это потому, что тогда не было еще даже в городах крупного производства, которое объединяло бы на фабриках и заводах миллионы рабочих и сплачивало их в такую сильную рать, которая без поддержки крестьян смогла бы устоять против натиска и капиталистов и кулаков.

А беднейшее крестьянство не было организовано, само оно с кулаками плохо боролось, и вследствие этого революция терпела поражение также и в городах»¹.

В другом месте Ленин прямо говорил о Конвенте, что это было характерно для Великой французской революции, «когда французский Конвент размахивался широкими предприятиями, а для проведения их не имел должной опоры, не знал даже на какой класс надо опираться для проведения той или иной меры»². Очутившись после кратковременного господства без достаточно прочной классовой опоры, доведя революционную борьбу до развития противоречий внутри мелкобуржуазной демократии, на которую они опирались, не сумев поэтому без опоры в пролетариате повести за собой дальше городскую и деревенскую бедноту, якобинцы пали, сраженные врагами революции. В дни гибели якобинцев совершилась величайшая из трагедий, которые знал когда-либо мир: широкие эксплуатируемые и угнетенные массы пали в борьбе, не найдя себе руководителя, вождя, гегемона в решающие дни своей борьбы. Эти же дни дали незабываемый урок для французских крестьян, для французских рабочих, а также и для пролетариата и крестьянства всего мира: чтобы освободиться

¹ Ленин, Речь к делегатам комитетов бедноты Московской области, Соч., изд. 3-е, т. XXIII, стр. 280.

² Ленин, Речь на VIII съезде РКП, Соч., изд. 1-е, т. XVI, стр. 126.

¹ Ленин, Речь на Всероссийском съезде транспортных рабочих, Соч., изд. 3-е, т. XXVI, стр. 293.

от эксплуатации и угнетения, революционные массы должны найти себе руководителя в лице пролетариата и его партии.

Французский рабочий класс должен возглавить борьбу широчайших трудящихся масс и — организованный теперь в свою большевистскую партию, под руководством этой партии — повести их за собой на борьбу за пролетарскую революцию, за социализм.

«Французский рабочий класс, — писал Энгельс, — в продолжение почти целого столетия... играл решающую роль во всех исторических кризисах своей страны...»¹. Французский пролетариат, возглавляемый теперь коммунистической партией, во всей своей широкой массе начинает глубоко понимать эти исторические истины о борьбе угнетенных за свое освобождение, которым учит его история его собственной борьбы, учит между прочим и история Великой французской революции. Будущая великая французская революция, предпосылки которой зреют с каждым днем в современной Франции, будет великой пролетарской, большевистской, победоносной революцией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенные выше взгляды Ленина по вопросу о методологических основах изучения буржуазно-демократических революций на Западе и в частности Великой французской революции стоят в непосредственной связи с его общими высказываниями о методологии истории и прежде всего с тем, какое значение он придавал вопросу о роли масс и историческом развитии, вопросу о борьбе масс. Критикуя буржуазную методологию исторического исследования, Ленин в статье «Карл Маркс», писал, что «прежние теории не охватывали как раз действий масс населения»¹; в другом месте, рассматривая вопрос об изменении соотношения классов в революции, он писал, что «всякий действительный прогресс революции есть вовлечение в движение более широких масс»². Следует отметить, что содержание и формы массовой борьбы рабочего класса в первые периоды промышленного капитализма историками-марксистами не изучены в той мере, в какой это необходимо для всей нашей политической и научной работы. Те исторические работы, которые мы имели, посвящены прежде всего и преимущественно истории отдельных политических организаций, но не истории всей массовой борьбы рабочего класса, широких масс трудящихся и эксплуатируемых. Многоразличные новые формы борьбы, рожденные инициативой масс того времени, нами совсем не изучены или изучены в чрезвычайно низкой степени.

Между тем Ленин придавал этому огромное значение. Вопрос о роли масс формулируется им как вопрос, по которому проходит водораздел между марксистской историографией и буржуазной, т. е. он выставляет это положение

¹ Энгельс, Европейские рабочие в 1877 г.

² Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XVIII, стр. 13. Подчеркнуто у Ленина.
³ Ленин, К вопросу об общенациональной революции, Соч., изд. 3-е, т. XI, стр. 204.

как имеющее крупнейшее методологическое, принципиальное значение. Это и понятно. Во всей своей политической борьбе Ленин, питая огромную веру в творческие силы пролетариата, основывался на опыте масс, призывая неустанно учиться у них, призывая к тому, чтобы по-большевистски руководить борьбой рабочих масс, он всегда отмечал необходимость изучать и обобщать опыт массовой «исторической инициативы».

Тов. Сталин всегда отмечал эту веру Ленина в массы, в их творческие силы:

«Я не знаю другого революционера, — говорил он в своей речи о Ленине в 1924 г., — который так глубоко верил бы в творческие силы пролетариата и в революционную целесообразность его классового инстинкта, как Ленин. Я не знаю другого революционера, который умел бы так беспощадно бичевать самодовольных критиков «хаоса революции» и «вакханалии самочинных действий масс», как Ленин. Помнится, как во время одной беседы в ответ на замечание одного из товарищей, что «после революции должен установиться нормальный порядок», Ленин саркастически заметил: «Беда, если люди, желающие быть революционерами, забывают, что наиболее нормальным порядком в истории является порядок революции».

Отсюда пренебрежительное отношение Ленина ко всем тем, кто пытался свысока смотреть на массы и учить их по книжкам. Отсюда неустанная проповедь Ленина: учиться у масс, осмыслить их действия, тщательно изучить практический опыт их борьбы.

Вера в творческие силы масс — это та особенность в деятельности Ленина, которая давала ему возможность осмыслить стихию и направлять ее движение в русло пролетарской революции¹.

Эта могучая вера в массы стояла у Ленина конечно в неразрывной связи с признанием огромной значимости борьбы масс в историческом процессе. Недаром в одной из своих работ он отметил, что признанием важности массовой борьбы характеризуется марксизм в целом как мировоззрение, говорил, что марксизм есть научная трезвость анализа плюс признание огромного значения революционной энергии и инициативы масс².

¹ Сталин, О Ленине, стр. 27, 1931 г.

² Ленин, Против бойкота, Соч., изд. 3-е, т. XII, стр. 32.

Ленин как пролетарский историк подходил именно с этой точки зрения к оценке отдельных исторических событий. Очень ярко этот подход сказался, как известно, в вопросе о Парижской коммуне¹. Что больше всего ценил Ленин вслед за Марксом в Парижской коммуне? Больше всего он ценил в ней историческую инициативу масс, он поражался чутью «гениально проснувшихся масс». Конечно эти массы, творившие впервые в истории пролетарскую диктатуру, парижские рабочие того времени, не были социалистически сознательными и не представляли собой с точки зрения их идейного развития передовых борцов пролетариата. Но с точки зрения их массового действия, того исторического действия, которое они совершали в силу исторической классовой необходимости, в силу самой логики развития классовой борьбы, они были гениальными, передовыми борцами пролетариата. Они не были марксистски сознательными, но уроки классовой борьбы не проходили даром, и французские рабочие в огне гражданской войны нащупывали верный путь, подходили к социалистическому сознанию, к марксистскому пониманию подлинных социалистических задач своего класса. Именно так, с точки зрения широкого, массового, исторического действия, мы должны судить о парижских коммунарах.

Конечно в нашем определении значения массовой борьбы мы не должны относиться к этому понятию, как к чему-то абстрактному; нельзя представлять себе массу как нечто внеисторическое.

«Понятие массы, — разъяснил Ленин, — изменчиво, соответственно изменению характера борьбы. В начале войны достаточно было несколько тысяч настоящих революционных рабочих, чтобы можно было говорить о массе. Если партии удастся вовлечь в борьбу не только своих членов, если ей удастся встряхнуть и беспартийных, то это уже является началом завоевания масс. Во время наших ре-

¹ Вопрос о Парижской коммуне конечно выходит за пределы нашей темы, ибо «во Франции 60-х годов была давно уже закончена вполне эпоха буржуазных революций, в дверь стучалась уже прямая схватка пролетариата с буржуазией» (Ленин, Соч., т. XII, стр. 277). Парижская коммуна была первой пролетарской революцией и должна быть рассматриваемая в плане высказываний Ленина о пролетарских революциях, о движущих силах и о содержании и формах борьбы пролетариата за социалистическую революцию. Мы приводим здесь высказывания Владимира Ильича в связи с его общими методологическими взглядами, ярко выраженными в анализе исторического значения Коммуны.

волюций бывали случаи, когда несколько тысяч рабочих представляли собой массу... Когда революция уже достаточно подготовлена, понятие «массы» становится другим: несколько тысяч рабочих уже не составляют массу. Это слово начинает означать нечто другое. Понятие массы изменяется в том смысле, что под ним разумеют большинство, и притом не простое лишь большинство рабочих, а большинство всех эксплуатируемых; другого рода понимание недопустимо для революционера, всякий другой смысл этого слова становится непонятным»¹.

Из этих слов видно, как Ленин подходил к вопросу о массах в истории прежде всего. Революцию делают массы, и поэтому степень втянутости масс в борьбу была для Ленина показателем успехов партии в подготовке революции. Изучение содержания и форм массовой борьбы было для него важнейшим научно-политическим делом.

«Здесь оправдывается, — писал он, — одно из самых глубоких положений марксизма, в то же время являющееся самым простым и понятным. Чем больше размах, чем больше широта исторических действий, тем больше число людей, которое в этих действиях участвует, и, наоборот, чем глубже преобразование, которое мы хотим произвести, тем больше надо поднять интерес к нему и сознательное отношение, убедить в этой необходимости новые и новые миллионы и десятки миллионов. В последнем счете потому наша революция все остальные революции далеко оставила за собой, что она подняла через советскую власть к активному участию в государственном строительстве десятки миллионов тех, которые раньше оставались незаинтересованными в этом строительстве»².

Но если степень втянутости рабочих масс в сознательную классовую борьбу является показателем успехов коммунистической партии, то конечно изучение втягивания масс в революционную борьбу, опыта большевистского руководства этой массой, изучение широких исторических действий этих масс, изучение многообразнейших форм массовой борьбы рабочего класса, исторического развития этих форм, перерастания одной формы в другую, более высокую, приближающую эту форму к непосредственному осуществлению

пролетарской диктатуры, большевистский рост мирового рабочего движения, делающий возможным это осуществление — эти вопросы должны стать основным содержанием исторических исследований, основным содержанием для всей исторической науки, если она хочет стать подлинно пролетарской, подлинно ленинской, боевой исторической наукой. С этой точки зрения такая например статья Ленина, как «Партизанская война»¹, должна дать историкам важнейшие указания по методологии исторического исследования многих вопросов, связанных с этой проблемой. В ней Ленин с необычайной силой подчеркивает основные методологические положения научного изучения и политического отношения к различным формам массовой борьбы; в этой статье Ленин подчеркивает необходимость исторического рассмотрения форм массовой борьбы, дает анализ западно-европейских форм и русских и пр.

Наши историки должны под углом зрения этих указаний изучить формы массовой борьбы рабочего класса на протяжении всей истории капитализма. Особенного анализа требуют новые формы, рождающиеся во время революционного напряжения всех сил рабочего класса. Ленин дает нам образец глубокого диалектического анализа процесса перерастания одной формы в другую, усложнения борьбы, роста массовой сознательности, увеличивающегося значения и роли авангарда масс и пр.

Для историка важно не только рассмотреть формы массовой борьбы рабочего класса, начиная от низших, свойственных пролетариату в ранний период его существования, и кончая высшими формами классовой сознательности — политической целеустремленной борьбы класса и его партии, т. е. большевизма в эпоху империализма. Для историка важно изучить условия этого роста, процесс перерастания низших форм в высшие, подводящие рабочий класс к пониманию его общих классовых задач, подводящие большинство рабочего класса под руководство большевистской партии, сознательно творящей политику борьбы за пролетарскую диктатуру. Короче говоря, надо рассматривать массовую борьбу, ее историю под углом зрения политического роста пролетариата, роста его сознательности, под углом зрения борьбы рабочего класса за диктатуру пролетариата, за коммунизм. Вся исто-

¹ Ленин, Речь в защиту тактики Коминтерна, Соч., изд. 3-е, т. XXVI, стр. 447.

² Ленин, Доклад о деятельности СНК на VIII Всероссийском съезде советов, Соч., изд. 3-е, т. XXVI, стр. 33.

¹ Ленин. Соч., изд. 3-е, т. X, стр. 80 слд.

рия рабочего класса развивалась в условиях роста противоречий капиталистического общества; история борьбы пролетариата¹ и его союзников и есть история роста этих противоречий; ясно, что и вся историческая наука вообще должна пронизаться методологической установкой, вытекающей из идеи диктатуры пролетариата, являющейся главным вленинизме.

Наша эпоха, эпоха высоких форм сознательной классовой борьбы дает возможность глубже чем когда-либо посмотреть на всю историю борьбы угнетенных классов, на все движение классового человеческого общества в целом. В статье «III Интернационал и его место в истории» Ленин писал: «Всемирно-историческое значение III Коммунистического интернационала состоит в том, что он начал претворять в жизнь величайший лозунг Маркса, лозунг, подведший итог вековому развитию социализма и рабочего движения, лозунг, который выражается понятием: диктатура пролетариата»¹.

Совершенно очевидно, что это понятие—«Диктатура пролетариата»—имеет решающее значение для изучения истории капиталистического общества. «Всемирная история, — писал Ленин, —неуклонно идет к диктатуре пролетариата, но идет далеко не гладкими, не простыми, не прямыми путями»². Это указание становится конкретно историческим понятием, непосредственно руководящим понятием для историка эпохи империализма и пролетарской революции, ибо пролетарская революция, победоносное восстание рабочего класса есть не только результат воли партии, но и исторически неизбежный, исторически необходимый результат и итог всего развития борьбы классов.

«В вооруженном восстании, — говорил Ленин в своей речи на съезде швейцарской социал-демократической партии, —мы видели не только лучший ответ пролетариата на политику правительства, но также и неизбежный результат развития классовой борьбы за социализм и демократию»³.

Ленин не раз подчеркивал методологическое значение диктатуры пролетариата для изучения всей истории капиталистической эпохи и особенно для истории рабочего клас-

са. Мы уже приводили то место из его статьи «Великий почин», в которой он указывал, что:

«Основание одного рабочего союза имеет большее историческое значение, чем битва под Садовой. Сражение под Садовой решало вопрос о первенстве одной из двух буржуазных монархий, —австрийской или прусской,—в деле создания национального германского капиталистического государства. Основание одного рабочего союза было маленьким шагом к всемирной победе пролетариата над буржуазией»¹.

Можно было бы привести много других мест, подтверждающих это же положение. Так в другой своей статье «Как полиция и реакционеры охраняют единство германской социал-демократии» Ленин, разоблачая оппортунизм, писал:

«Забыты чартизм, июнь 1848 г., Парижская коммуна, октябрь и декабрь 1905 г. Рабочие идут к своей всемирной революции не иначе, как через ряд поражений и ошибок, неудач и слабостей, но они идут к ней»².

Следовательно ясно, что под углом зрения роста форм рабочего движения, приближения и перерастания их в формы, обеспечивающие победоносную борьбу за диктатуру пролетариата, за пролетарскую революцию, именно под этим углом зрения и должна быть изучена вся история рабочего класса.

* * *

Тов. Сталин в своем письме в редакцию журнала «Пролетарская революция» со всей силой подчеркнул необходимость для исторической науки стать подлинно большевистской партийной наукой.

Партийность исторической науки означает, что эта наука всем своим существом, всей методологической основой, всей целеустремленностью, всем содержанием должна проникнуться ленинизмом как новой ступенью в развитии марксизма, т. е. как научным революционным учением, обобщающим исторические движения, историческую борьбу классов в новую эпоху, отражающим новые задачи рабочего класса. Мы говорили выше о методологическом значении

¹ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXIV, стр. 248.

² Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 184.

³ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XIX, стр. 279. Подчеркнуто нами.—И. 7.

¹ Ленин, Собр. соч., изд. 1-е, т. XVI, стр. 252.

Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XVIII, стр. 118. Подчеркнуто нами.—И. 7.

понятия диктатуры пролетариата для исторической науки. Борьба рабочего класса за пролетарскую диктатуру составляет основное содержание общественного развития нашей эпохи. Этой борьбой руководит большевизм. Изучение истории большевизма, борющегося за социалистическую революцию, за социализм,—в центре внимания исторической науки. Без этого нет изучения истории большевизма как центрального вопроса исторической науки, нет большевистской партийности ее; вне этого нет понимания новой эпохи, движущих сил классовой борьбы в наше время, нет истории пролетариата и его борьбы против буржуазии и всяческого оппортунизма. Большевистская партийность означает для исторической науки, далее, глубочайшее изучение и разработку ленинского исторического наследства. Многим из наших историков следует понять, что дело заключается не только в изучении отдельных высказываний и указаний Ленина и Сталина по общим и конкретным вопросам исторической науки. Надо разрабатывать ленинское наследство в свете задач, поставленных Сталиным перед нашей партией и Коминтерном, в свете задач, поставленных перед исторической наукой.

Эта разработка, это дальнейшее продвижение вперед, это осуществление партийных задач возможны только при условии беспощадной борьбы с буржуазной меньшевистской историографией, борьбы до конца с проявлениями право- и «лево»- оппортунистических схем, теорий, взглядов и целых концепций. Эта борьба с уклонами в исторической науке — важнейший момент методологии теоретических и политических основ всякого исторического исследования.

Все сказанное выше относится в определенном смысле и к изучению буржуазно-демократических революций на Западе. Историческая наука в недавнем прошлом очень много занималась Великой французской революцией, и очень мало — изучением относящихся к ней указаний Ленина и Сталина. Ясно, что без изучения этих указаний нет и подобия научности в освещении великих революционных событий конца XVIII в.

А изучать эти события надо: Ленин когда-то говорил, что для того, чтобы победить, надо понять всю глубочайшую историю старого буржуазного мира.

Замеченные опечатки

Напечатано	Следует читать
Стр. 11, 18-я строка сверху: Промышленный пролетариат тогда еще формировался...	Промышленный пролетариат тогда еще только начал формироваться...
Стр. 18, 5-я строка снизу: сколько выразительный.	Сколь выразительный.
Стр. 20, 13-я строка снизу: Ленин, однако, считает его...	Ленин, однако, не считает его...
Стр. 20, 3-я строка снизу: историко-методическое значение.	Историко-методологическое значение.
Стр. 25, 2-я строка сверху: включая в себя и пролетариат...	включала в себя и пролетариат.
Стр. 25, 19-я строка снизу: „Возможно и бывали такие буржуазные революции, в которых торговля или...”	„Возможны, и бывали такие буржуазные революции, в которых торговая или...”
Стр. 28, 17-я строка снизу: ... различать буржуазные революции не только потому, что какой класс...	различать буржуазные революции на Западе не только потому, какой класс...
Стр. 44, 12-я строка сверху: ... не могли развиваться	... не могли развиваться...
Стр. 48, 7-я строка снизу: „Великая французская...”	Великая французская...
Стр. 50, 11 сверху: ее „самодвижения”	ее „самодвижения”
Стр. 50, 9-я строка снизу: „со старыми силами	со „старыми силами”
Стр. 55, 14-я снизу: Буржазии...	Буржуазии...
Стр. 56, 18-я снизу: реакционные черты идеологии...	реакционные черты этой идеологии...
Стр. 56, 6-я снизу: вот кто были подлинные...	вот кто прежде всего были подлинными...
Стр. 57, 9-я сверху: это учреждение...	Это утверждение...
Стр. 80, 7-я сверху: Без этого нет изучения истории...	Без изучения истории...